

Дмитрий Якуметович

ЕВА И ГОЛОВЫ

Дмитрий Ахметшин

Ева и головы

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ахметшин Д.

Ева и головы / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Что может связывать, кроме случая, маленькую девочку Еву и странствующего бродягу, цирюльника и костоправа великана Эдгара. Она... иная. Она единственная, кто самолично навязался к нему в спутники, и Эдгар решил пока не рвать спущенную с Небес нитку, пусть даже она всячески мешается под ногами, и вообще, приводит в недоумение. Вот только шьет костяная игла в его руках с уже продетой ниткой не только плоть больных и хворых, а чаще накрепко соединяет мёртвое с мёртвым...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Ахметшин

Ева и головы

Глава 1

Цирюльник въехал в посёлок, и люди оторвались от повседневных занятий, чтобы взглянуть.

На дороге, в облаках пыли, силуэты человека и животного сливались с повозкой и напоминали движущуюся гору, улитку размером с хорошего бычка, голова которой, о двух висячих рожках-ушах, была на самом деле головой ослика.

Цирюльника звали Эдгаром.

Везде он находил достаточно чужих взглядов, пристальных и настороженных, и впору было не расточать на них внимания, но Эдгар всякий раз ёжился и, как будто, пытался сжаться в одну большую точку. От этого неловкого движения взгляды становились ещё колючее. Пытались проткнуть его, словно хотели выпустить воздух.

В любом поселении, куда приезжал цирюльник, следовало найти либо питейное заведение, либо церковь. Наткнуться на таверну или постоялый двор в этой части мира было, как отыскать драгоценный камень в речном песке: посёлки здесь были мелкие, чёрствые, как крохи под столом крестьянина. Поэтому, углядев знакомый шпиль с крестом, плавающий в видимом глазу воздухе первого летнего месяца, Эдгар направил осла в ту сторону.

Священник заканчивал вечернюю службу, и великан устроился на траве возле церкви, под тенью раскидистого ясеня, который, казалось, состязался в морщинистости кожи и звуками, которые издавали ветви, с церковным зданием. Осёл, вырвавшийся из плена недоуздка, с жадностью жевал чертополох. Рассохшаяся повозка идеально вписалась в пейзаж, как будто всю жизнь служила кому-нибудь из жителей в его нелёгком труде.

Жидкая паства покидала церковь, обтекая Эдгара, который на коленях совершал привычные пятьдесят земных поклонов. Молитва вибрировала в глубине его груди, изредка прорываясь наружу неожиданно звонкими гласными: «а», «э», «о»...

– Чем обязан? – спросил священник, когда Эдгар, наконец, поднялся, непрерывно крестясь. Он давно уже стоял в дверях и ждал, пока пришелец закончит с молитвой. Он видел перед собой большого человека... возможно, самого большого из всех, кого довелось видеть. Стоя на коленях, тот легко мог достать макушкой до подбородка шуплого священника, который, наверное, думал: «хорошо бы этот человек душой оказался столь же высок, что и телом. Если он высок душой, то не доставит нам ни неприятностей, ни хлопот: именно их в первую очередь ожидаешь от бесприютного странника». Трусливые мысли, но что поделать: когда всю жизнь не сдвигался с места, очень трудно начать испытывать доверие к новым лицам.

Одежда странника могла вызвать желание поскорее сжечь её на костре, а пепел спустить бурной рекой. Вряд ли у великана есть что-то на смену: эта драная котта цвета когда-то красного, а теперь выцветшая до грязно-коричневого, тронутая грязью и поеденная насекомыми, при желании могла бы налезть на вола, а исподнее напоминало цветом взбаламученную озёрную воду. Разошедшуюся горловину верхней одежды, кое-как подлатанную, скрепляла металлическая заколка в виде человеческой ладони, настолько старая, что её мог носить кто-то из граждан благословенного Рима, если б не была столь безыскусно сделанной. На шнурке, болталась соломенная шляпа с широкими полями, такими колючими, что головной убор напоминал ежа.

Эдгар, не тратя времени, представился, рассказал о своём занятии. Люди не любят, когда незнакомец занимает их время, поэтому лучше тратить как можно меньше слов. Священник

отступал шаг за шагом, будто каждое било его в лицо, как брошенная кем-то из детей шишка, страх в глазах боролся с удивлением и недоумением. Поистине, в незнакомце всё было удивительно для постороннего восприятия. И поражал не столько говор – слышались смешения множества разных культур, в которых странник купался, будто в сотне разных озёр глухого, заросшего тайгой севера, – а сам тон этого голоса, присущий больше мальчишке, нежели мужу. По какой-то небесной прихоти голос у великана никогда не ломался, и так и остался, видимо, с детства, тонким, как крик птенца.

Но больше всего (после, конечно же, габаритов) цепляло внимание лицо. Вряд ли на свете найдётся ещё один человек со столь же резкими, будто рублеными чертами. Эдгара видели в разных местах, и, по крайней мере, несколько людей называли его рыбой. Рыбиной, щукой, даже осетровой головой – все эти прозвища можно объединить в одно. Когда он передвигался, сутулясь и размахивая руками, подвижные тени на его скулах легко было принять за жабры. Кожа бледная и блестящая, без признаков растительности, для которой эта земля, видимо, была бесплодной. Когда он говорил, выражения сменялись на лице, как сменяются, бегут перед глазами маленького ребёнка сезоны – и как путается в них иногда ребёнок, считая, что за зимой прямо сразу наступает лето, а за летом – весна, так Эдгар путался в мышцах на своём лице. Часто их движения не соответствовали тому, что он в данный момент говорил, и несурзная, горестная гримаса, сводившая вдруг лицо как будто судорогой, вводила в ступор.

Священника звали Густав, и он служил при этом приходе уже более тридцати лет. Старый, уже полностью седой, со следами приходящей десятки лет подряд, из года в год, каждую осень, кожной болезни, которая только к старости перестала его изводить. Запах чеснока, казалось, накрепко въелся в его хилую бородёнку. Нехотя представившись, священник поведал Эдгару то, что он хотел узнать: в деревне есть немощные, которые милостью Божией борются за своё выздоровление.

Представившийся Эдгаром покивал, послунывил пальцы, потрогал голый, без признаков растительности, подбородок. Сказал:

– Я могу драть зубы, равнять бороды и выводить из них насекомых. Стричь ещё волосы.

Густав был уверен – никто не захочет доверить своё лицо этим огромным, перевитым ужасными толстыми венами, лапам. Нервно посмеиваясь, он сказал:

– С такими проблемами, сын мой, мы справляемся и сами. Господь дал нам бороду, дабы не забывали о близости и родственности своей к зверям земным, и не уподоблялись им, обрастая шерстью, а, вовремя одумавшись, подрезали растительность и ухаживали за ней.

– Я могу постричь всё ровно. Так, что и справа и слева будет одинаковое число волосков. Одинаковой длины, чуешь, божий служка?

На это священник ничего не ответил, только продолжал, будто ни в чём не бывало:

– Что до зубов, есть у нас один именем Эрмунд Костяшка, который славен точностью удара и рассчитанной его силой, благодаря чему может выбить любой больной зуб, не задев соседние. Едут к нам и из соседних посёлков, везут болящих, отчего можно сказать, что у нас есть собственный зубовный врач, знаменитый на всю округу. А тебе – Густав прищурился, разглядывая тонкие, почти отсутствующие губы Эдгара. – Тебе не надобно, случайно, полечить зубы? А то самому себе, видит Господь, не слишком удобно...

На губах Эдгара появилась застенчивая улыбка – выглядело это так, будто великаньим телом по прихоти божественной завладел ребёнок.

– Мои зубы, как у горной козы, – прошамкал он, почти не открывая рта, будто опасаясь, что священник залезет туда пальцами – проверять. – Могу разгрызть капусту и съесть её вместе с кочерыжкой. Хвала Господу. Мы идём к болящему? Идём, святой отче, если со мной будешь ты, меня не прогонят с порога и не прищемят дверью нос... знаешь, так иногда бывает.

Эдгар потёр кончик носа, чей цвет варьировался от пурпурных прожилок к серо-жёлтому, цвету песчаного берега в южных морях, так, будто его рисовал художник-миниатюрист.

Священник отказался. Эдгар не удивился и не стал возмущаться. Если б он был, скажем, грабителем и пользовался своим ремеслом, чтобы проникать в дома, душа священника отяготилась бы грехом. Он пошёл к указанному дому один, ведя на поводу осла и сопровождаемый грохотом телеги и лаем собак.

На скольких таких дорогах остались его следы? Скольких собак он отогнал пинками под зад за свою жизнь? Вряд ли Эдгар смог бы ответить. Это долгое путешествие началось ещё, когда на папском престоле сидел Климент второй, и сколько прошло с тех пор времени, Эдгар не знал. Ясно одно – папа теперь другой, он сменился уже в третий раз, да и на устах подданных разных государств, дорогами которых проходил цирюльник, восславляющих и проклинающих своих правителей, давно уже звучат другие имена. Имена грозные, имена высокопарные, но как же часто они меняются на веку Эдгара!..

Деревня эта звалась «Собачий хвост», и, видно, неспроста: вся она была вытянута и неряшлива, а кусты шиповника, втихую разрастающиеся под стенами домов, создавали ощущение лохматости. Дома здесь были не дома, а халупы. Впрочем, человеку, в бытность свою слабым телом и падким на всякие излишества, не пристало ютиться в более роскошном жилище. Эдгар замер на несколько секунд, обдумывая: какие грехи могут быть у такого человека, если его землянка остаётся сухой в лучшем случае до ближайшего дождя? Если пища два раза в сутки – что благодать? Жилище их можно сравнить с монашеской кельей. Идёт ли в зачёт такой аскетизм там, на небесах? А если бедняк помер озлобленным стариком, испустил дух, пытаюсь выгнать из своего жилища прячущуюся от непогоды собачонку?..

Несомненно, греховные помыслы, – решил Эдгар, и пошёл дальше.

Его, эдгарово, жилище и вовсе почти без крыши – под навесом на повозке умещалась разве что голова да туловище, а ноги свешивались в грязь. И он живёт так почти всю жизнь. Когда-то, юнцом, он помещался там целиком, если подтянуть к подбородку колени.

Указанный священником дом был не лучше и не хуже всех остальных. Хозяин – мелкий земельный арендатор, как и большинство здешних обитателей, их хозяин-земледелец живёт где-то неподалёку, в замке или поместье с высокими каменными стенами. Это он сделал людей похожими друг на друга, уравнив их платежи и низведя до безликой человеческой массы, задача которой – возделывать его землю. Эдгар же приглядывался к бесхитростным различиям и старался их запоминать, понять по мелким деталям, чем, кроме своей работы, живёт этот крестьянин. У одного прекрасно подвязаны листья свеклы, у другого – забытая на веранде неумело вырезанная деревянная фигурка.

Толстоногая рабочая лошадка стояла под навесом в стойле и меланхолично жевала сено. По тому, как подсыхал на её боках пот, можно было понять, что её только что вернули с работ. Окна неумело украшены полевыми цветами, а в крыльце зияла дыра: видно, провалилось оно совсем недавно. Пахло свиньями и куриным помётом: птицы, худые, с торчащими во все стороны перьями, шныряли под ногами.

На стук не отзывались достаточно долго, наконец, послышался далёкий, будто шум дождя, голос. Слов Эдгар не разобрал.

– Во имя сына господнего, Иисуса Христа, откройте, – прогудел он, и стукнул кулаком ещё раз.

– Кого там несёт, к ночи ближе? – ответили ему.

– Мне сказали, у вас больной. Священник сказал, что там сложный перелом и уже пошло нагноение.

Голос не стал любезнее.

– А ты кто, черти тебя раздери?

– Странствующий костоправ, – сказал Эдгар, и для верности ещё раз стукнул костяшками по дверному косяку. В больших благоустроенных поселениях и в городах у всех дверей весели колокольчики, но чтобы достучаться до сердец жителей затерянного в лесах или в полях

посёлка в два десятка домов, служившего игольным ушком тонкой, петляющей среди холмов тропинки, требовалось приложить иногда просто гигантские усилия.

За дверью – секундная заминка. Потом загремели засовы, и дверь приоткрылась, показав нервно дёргающийся, как у собаки, нос крестьянина.

– Костоправ, значит? Эж тебя занесло-то, именно к этому дому. Откуда ты вообще знаешь, что батя захандрил? Чёрной магией здесь пахнет...

– Священник направил, во имя Отца и Сына...

Мужчина проворно перекрестился.

– Точно, священник. То-то я почуюл чесночный дух... Господи, забери его болтливый язык.

Запрокинул голову, разглядывая пришельца. Он бодрился, как мог, и Эдгар это понимал: людям нелегко сохранять присутствие духа рядом с ним. Если бы он не сутулился, то задевал бы иногда макушкой небесный хрустальный свод. Эдгар иногда думал, что гром – результат его неосторожного поведения на земле, и действительно, макушка ныла во время громовых раскатов.

Голова странной формы: что-то смущало в ней помимо отсутствия растительности, но что, так сразу не поймёшь: глазницы, похожие на ловчьи ямы, в которые попало по маленькому, блеклому, похожему на каплю росы, глазу. Рот с очень тонкими губами, зато нос такой, будто им можно добывать золото. На висках и возле ушей, там, где кожа истончалась до толщины барабанной перепонки, будто покрывшиеся льдом реки, виднелись чернильно-синие прожилки.

– Кому нужна моя помощь? – повторил Эдгар ровно с той же интонацией.

Мужчина моргнул раз, другой, перевёл взгляд на дорожную сумку, которую Эдгар сжимал в руке. Грубая коричневая кожа походила на полупереваренный кусок мяса.

Его впустили. Внутри оказалось ещё теснее, чем снаружи. Стены облизывали плечи цирюльника, будто влажная мочалка. Под потолком сушилась морковь, лук и ещё какие-то коренья, которые он задевал головой. Эдгар обонял сотню разных запахов. Он никогда не бывал дважды в одном доме, и каждое новое помещение казалось чем-то едва ли принадлежащим этому миру. Его удивляло, что мир, такой монолитный и большой, может дробиться на множество стекляшек, будто витражи храмов в городах. Сквозь каждое стекло мир кажется другим, со своим, особым очарованием.

Выглянула и тут же спряталась в кухне миниатюрная женщина с головой, похожей на луковицу. Шныряли дети: они старались держаться от гостя подальше, но Эдгар, по крайней мере, постоянно их видел.

Больной занимал лавку у самого очага, накрытый сразу двумя одеялами из козьей шерсти. Эдгар сразу окрестил его про себя «стариком-рыбой», практически своим собратом: кожа на лбу белесая и склизкая, как брюхо у карпа. В руках у хозяина появился подсвечник с единственной свечой, который он поставил на стул перед лежанкой больного. Сумрак она почти не разгоняла: пышная кудрявая борода вращалась в этот сумрак, так, что больной будто бы висел посреди гигантской паутины. Эдгар знал, что это плохой знак. Стоял тяжёлый дух гниения и немытого тела.

– Как приключилось ненастье? – спросил Эдгар, опускаясь перед стариком на колени.

– Ненастье? – переспросил, нервничая, хозяин.

– Несчастье.

Старик в забытии: под полуприкрытыми веками белые, как комки снега, глаза, в бороде похожие на обрезки шкур губы. Грудь поднималась тяжело, будто крыша опиралась не на стены, а на неё, и даже, как будто бы, со скрипом. Одеяла Эдгар сбросил на пол: эти глупцы, никак, хотели, чтобы старика пожрал изнутри огонь. Всеми земными гадами можно поклясться, что у него изо рта пышет, будто там дыра напрямиком в ад.

Нога выглядела скверно. Треск разрываемой ткани заставил хозяина дома вздрогнуть (он, никак, подумал, что это ломаются кости), Эдгар, отделив от валявшейся здесь же одежды длинный лоскут, перетянул ногу возле самого паха. Ткань оказалась паршивой – того и гляди, порвётся, – поэтому он оторвал ещё одну полосу.

А крестьянин, начавший сбивчиво отвечать на вопрос, понял, что ещё странным ему показалось в госте: теперь, глядя на его голову сверху вниз, он понял, что она могла быть ещё выше. Макушки у него просто не было, а была неровная, как распаханное поле, поверхность, где-то багрово-красная, а где-то белая, будто брюхо червя: когда-то сюда пришёлся удар не то камня, не то чего-то столь же тяжёлого, и великая странность, как это такой человек, плюс к врождённому великанскому уродству, получил уродство приобретенное, остался ходить по земле, да ещё относительно разумно изъясняться.

– Повредил ногу, когда бороновал. Прямо мотыгой и повредил. Сначала вроде ничего, а на вторые сутки слёг, старый. И пышет, что лепёшка из печи.

– Когда?

– Пять... нет, постой... неделю тому.

Плотное раньше сложение больного, его прежде недюжинную силу выдавала широкая грудь и то, что он всё ещё цепляется за жизнь, хотя рядом с постелью уже стоит ангел с мешком, готовый забрать его в чистилище; скорбно опущена его голова: так оплакивает ангел оставшиеся неискупленными грехи. В окутывающих его запахах явно чувствуется мертвечина.

Глаза оставшегося неназванным хозяина дома расширились, Эдгар орудовал пальцами с таким же изяществом, с каким кузнец пользуется своими инструментами. Он проворно снимал с бедра старика грязевые припарки, кое-где, там, где выделения засохли и припарки так легко не отделялись, в ход шёл скальпель – полоска железа, которую Эдгар натачивал только сегодня утром. Рабочая плоскость почти сточилась. Было видно, что в ходу он давно и скоро хозяин решит, что пользоваться им уже нельзя.

– Мне выйти бы... – сказал мужчина. Во рту у него пересохло, голос звучал, как воронье карканье. С запястий Эдгара капала кровь, запах стал сильнее.

– Убирайся, паскудный, – сказал Эдгар. И больше ничего не говорил, потому что было не с кем: мужчина не заставил себя долго спрашивать.

– Прикажи приготовить тёплой воды, – крикнул он вдогонку. – И тряпки. Будет много жидкости. И нужно, чтоб дверь на улицу была растворена. Чтобы смерть могла выйти, и болезнь – покинуть дом, никого больше не встретив, и святой Михаил – зайти, отведать вашего гостеприимства. Молись всей семьёй, сыне.

Кость начала срастаться неправильно, от земляных припарок, которыми в некоторых деревнях пытались лечить всё и всех поголовно, развился гнойник. По сути, делать здесь уже нечего, старик всё равно рано или поздно отойдёт к Господу. Вряд ли он оправится от перелома. Последние дни жизни старых людей нужны для того, чтобы они, проваливаясь в пучины боли и беспамятства, ощутили грань между духовным и душевым. Как сказал бы один монах, с которым Эдгар нынешней весной, в пору цветения сирени, разделил несколько часов путешествия, «они погружаются в лодку и учатся работать вёслами, пока берег не скроется в тумане». Этот монах был из приморских областей, где гигантская вода соединяет христианскую и мусульманскую веру, и всё, о чём он говорил, было так или иначе связано с солью. Он угостил Эдгара вялеными устрицами из своего запаса, и Эдгар долго вспоминал – попробовал он раньше это кушанье, или нет.

Если бы здесь не нужна была помощь, он, Эдгар, не обонял бы сейчас этот запах кислых яблок и варёной гречихи. Но, скорее всего, помощь действительно не нужна, просто хозяин дома ещё этого не осознал. Может, этот старик был истинным главой семьи, в то время как мужчина – всего лишь руки. Что могут руки, когда больна голова? Что смогут они без головы?..

Эдгар вскрыл гнойник, принял из рук какой-то из дочерей хозяина корыто с водой. Девочка была достаточно неаккуратна, и, кроме того, торопилась: путь отмечали мокрые пятна. Смыл гной наполовину с кровью. Старик дёрнулся и застонал, он меньше всего напоминал сейчас человека, а скорее – гигантского кузнечика. Скрёб по своей нехитрой лежанке локтями, жар тела вышибал из костоправа целые ручьи пота. Тот продолжал делать свою работу, пригвоздив старика одной ладонью к лежанке: другая ловко орудовала железной лопаточкой, ещё одним инструментом из нехитрого инструментария странствующего цирюльника, вычищая рану, пока ладони Эдгара не увлажнились чистой, тёмной, как хвойная смола, кровью.

– Ева... – голос хозяина дома напоминал шипение, и Эдгар обернулся: девочка, которая принесла воду, стояла за его спиной и, приподнявшись на цыпочки, пыталась разглядеть, что эти похожие на древесные побеги руки делают с его дедом.

Плохо. Нельзя, чтобы кто-то стоял на пути между больным и растворённой настеей дверью. День почти подошёл к концу, комната заполнена тенями, единственная свеча задыхалась от нахлынувшей со всех сторон темноты. Эдгар пододвинул табурет ближе. Нужно попросить, чтобы ребёнка увели, попросить, чтобы принесли больше света... всё, что позволил себе Эдгар – облизать губы. В этой комнате нынче вечером любой голос, кроме криков больного, лишний. Это одно из правил. Никаких разговоров, когда костоправ делает свою работу.

Когда он снова обернулся, девочки на прежнем месте не было, но совершенно неожиданно Эдгар обнаружил её возле своей правой руки.

– Дедушка очнётся? – спросила она, круглыми, как у совы, глазами разглядывая синяк на его лодыжке, бледную, будто бы куриную, кожу вокруг.

Эдгар только покачал головой – мол, не сейчас. Попытался отодвинуть её локтем, но добился только нового вопроса:

– Подать тебе какие-нибудь инструменты?

Во имя Христа, ходящего по воде, аки посуху, именем апостола Павла, ревностнейшего среди апостолов, заклинаю: уйди, живой человек, настолько живой, что не чувствуешь ты тряской поступи смерти, ни тихой молитвы ангела и шевеления его крыл. Не мешай пляске живого и мёртвого, что делается сейчас над кроватью старика.

– Может, забинтовать ему ногу и наложить влажные припарки?

Девочка стояла, держась двумя руками за локоть Эдгара и выпятив нижнюю губу. Отвратительнейший запах и вид гнойника беспокоили её, казалось, в последнюю очередь.

О, господи, не нужно... хорошо бы, чтобы кто-то держал старика за руку – это будет, словно канат, которым привязывают корабль к буям. Прикосновение поможет ему удержаться на земле.

Должно, во всяком случае, помочь. Раньше Эдгар ни на ком не проверял свою теорию, потому лишь, что никто не вызывался ему ассистировать. И вот теперь он наблюдал, как маленькая тёмная от зубов солнца рука медленно ползла по постели старика прямо к его запястью, как, не то услышав мысли цирюльника (которые, как ему иногда казалось, влажные и скользкие, вываливаются через дырку в голове), не то просто-напросто отчаявшись услышать от Эдгара ответ, решила сделать хоть что-нибудь, и это решение, как часто бывает у чутких детей, оказалось верным.

Пациент кричал, не переставая; крик его скатывался до грудного рокота, потом снова вздымался до звериного рёва. Вероятно, хозяин дома вместе со всей своей семьёй жалел, что пустил к себе в дом цирюльника, и думал – «лучше б я дал старику тихо умереть. Всё лучше, чем испытывать такие муки... Пойти, что ли, взять молот, да попросить гиганта покончить со всем этим?»

Большинство жалело. Большинство не достаивало потом, когда работа кончалась, и наступало время вытереть руки, цирюльника даже словом.

Откровенно говоря, Эдгар не знал, как до сего времени ему удалось избежать допроса с пристрастием. Церковь нынче рьяно взялась за искоренение зла на сумеречной земле, но кому, как не ему, Эдгару, знать, что зло нынче без конца и края, а свет благодатный можно найти лишь на Небесах?

У церкви свои пути, у него, самого жалкого из тех, кто пытается лечить людей, свои. И нет ничего удивительного в том, что его пути осуждаемы и порицаемы.

Самое время вернуть старику потерянную конечность. Багровый, раздувшийся синяк недвусмысленно намекал на закрытый перелом берцовой кости. Эдгар поместил между зубов пациента кожаный ремень собственной сумки – его целиком, от начала до конца, украшали следы зубов. Надавил в нужном месте ладонью. Хрустнуло, и крик оборвался. Глаза распахнулись, мужчина резко, со свистом, втянул воздух, затаив в ноздри пролетающую над лицом муху. Космы грязной, измазанной слюной бороды шевелились, как речная трава.

Девочки рядом уже не было – должно быть, страх всё-таки проделал червоточинку в белокурую голову.

Эдгар наблюдал за пациентом. Сознание, пусть и всплыло на мгновение к поверхности мутного озера, снова опускалось на дно. Тем лучше. Незачем старику терпеть боль. Эдгар послушал с минуту его грудь (в доме тем временем всё затихло) затем постучал по полу костяшками пальцев. Три раза, потом – нетерпеливо – ещё три, и когда в дверном проёме показалась растрёпанная голова хозяина, показал ему: никаких земляных припарок. Просто перебинтовать. Кормить нетвёрдой пищей. Нагноение, наверное, будет снова, и если так, старик точно не выживет. Но он, Эдгар, сделал всё, что мог. Теперь только молитвы продлят его дни.

Хозяин, кажется, уже начал забывать, какой Эдгар большой; попятился, когда тот поднялся на ноги и неуклюже развернулся в тесной спальне. Постоял, разминая ноги и будто чего-то ожидая.

– Иди-ка, – выдавил из себя мужчина. – У нас ничего нет. Съедобного тем более. Самим жрать нечего... особенно теперь, когда папаня пойдёт на поправку.

Кажется, он всё-таки лелеял надежду, что отъевший своё рот умрёт. Он боялся остаться единственным мужчиной, целиком ответственным за семью, но всё же понимал, что старик, скорее всего не выкарабкается. Пусть всё будет хорошо, пусть ему, в конце концов, хватит решимости принять себе на плечи тяжесть заботы над семьёй.

Эдгар проследовал мимо хозяина к выходу, склонившись в дверях ещё ниже, чтобы голова не пострадала от косяка.

«До чего тёплый приём», – сказал он себе напоследок. Чаще всего с костоправом даже не разговаривали. Дверь оставалась открытой, через неё заползало зябкое предчувствие ночи, крапинки воды за порогом, если на улице был дождь, похожие на крапинки кожной болезни возле хвоста на конском крупе. Сопели и чихали в люльках младенцы. И через эту дверь дом покидал Эдгар, неся перед собой окровавленные руки и сумку на сгибе локтя.

Тело – прибежище греха. Дух силён, а тело – прибежище греха. Не достоин даже доброго взгляда имеющий с ним дело. Что это, как не стянутые ржавыми кандалами аспиды-пороки? Он ходит, ищет, где бы чего сделать плохого, чтобы наполнить свои дырявые со дна бурдюки. То ли дело дух! Душа непорочна и чиста, она алкает, мечется в своём телесном ошейнике и стенает. Так, во всяком случае, проповедуют отцы и верные слуги нашей матери Церкви.

И Эдгар с этим утверждением согласен. Он знал, насколько грязным может быть тело. Насколько много из него может истекать разных выделений.

– Иди-ка, – словно подбадривая сам себя, сказал несостоявшийся хозяин дома.

Эдгар остановился в дверях; его спина, согнутая в неестественном, неудобном положении, находилась в постоянном движении, так будто под кожей копошилось множество червей: это мышцы, напряжённые во время работы до предела, теперь возвращаются в нормальное состояние.

Эдгар не двигался с места. Хозяин нервничал. Его пугал этот человек. Его руки, его власть над телом, способность движением кистей заставить человека кричать или истерически хохотать. Да и папаша тоже... помер бы чуть раньше, схоронили честь по чести, да и дело с концом. Надо же было так стечься ручьям-обстоятельствам, так захотеть Богу нашему небесному, чтобы костоправ сегодня проходил мимо? Воистину, ничего нет такого, о чём человек мог бы сказать: «это в моей власти».

Задумавшись так, обоняя кислый, в чём-то даже приятный пот костоправа, мужчина сказал:

– Может, вам пригодится кое-какая одежда папани? Скажем, зимняя. До зимы он, может, и не доживёт, а если и доживёт, всё равно из дома теперь почти не выходит... как-нибудь да переживёт.

– И мои игрушки, – сказала девочка, выглянув из-за спины отца. Та самая, что подала Эдгару корыто с водой, и что стояла потом за его спиной, пытаясь разглядеть, что же тот делает с её дедом.

– Всё пойдёт, – сказал Эдгар. – Всё пойдёт.

Сдвинулся с места, оставив хозяина распекать дочь за то, что посмела влезть в разговор взрослых.

– Но он же вылечил деда! – услышал Эдгар голос девочки.

Дети... как им объяснить, что всё в этом мире не такое, каким выглядит. Деду в любом случае предстоит отсюда дальняя дорога, и осилит он её не теми суставами, которые нынче привёл в порядок цирюльник.

– Вылечил, да, – сказал хозяин. Нехотя разрешил: – Отдай гостю, что обещала, и иди к матери. Потом поговорим.

Голос Эдгара, будто глас стенающего в преддверии ночи призрака, вызвал новую истерику среди окрестных собак:

– Вынесите на крыльцо всё, что я могу забрать. Пойдёт всё.

Неизвестно, что мерещилось собакам, но люди – и особенно сильно тенденция эта проявлялась в наступающих сумерках – слышали в этих писклявых тонах существо явно не человеческого толку, потустороннее, которое, казалось, могло существовать разве что в головах схимников со сдвинутыми (не важно, в сторону Бога, или от него) мозгами, но внезапно оказывалось до ужаса реальным, оно сеяло ночные кошмары и собирало в самый глухой ночной час обильную жатву.

– Близка ночь, – шурясь на сияющий горб солнца на горизонте, заметил Эдгар. – Какие добрые люди путешествуют ночью?

– Можете переночевать в свинарнике, – в голосе хозяина слышалась вязкость и податливость, которая появляется в голове и поведении смертельно напуганных, забитых зверьков. Он сейчас, наверное, впустил бы цирюльника в дом, если б тот попросил. Но тот только кивнул, довольный и этим.

Когда солнце укрылось, как одеялом, бором на горизонте, костоправ с максимальным комфортом устроился в свинарнике, и пересчитал свою добычу. Ею оказалось: фляга с кислым яблочным вином, пара тряпичных кукол и соломенная лошадка из сокровищ, которыми поделилась с ним малышка, а так же тёплый свободный плащ из козьей шерсти – Эдгар узнал его, этот плащ укрывал его недавнего пациента. Он пропах болезнью, с изнанки походил на затянутые ряской топи, но Эдгар был доволен.

Всё пойдёт в дело. Кто он такой, чтобы отказываться от ниспосланной Богом милости, даже если она принимает вид двух соломенных кукол?

Он рассматривал их, вертел в огромных руках, и старался не думать о ночи. Вот уже больше трёх десятков лет он остаётся с ней в одиночестве, и до сих пор не привык. Одно время Эдгар воображал, будто темнота собирается в сгустки только для того, чтобы его запугать,

но длительные наблюдения за людьми уверили: её боятся все. В больших городах жгут свечи. До первых лучей рассвета в каком-нибудь окне может теплиться огонёк, и казалось, будто все окна смотрят на него, смотрят жадно и с завистью. Там, вместо того, чтобы закрывать окна на ночь ставнями, хвастали мутным стеклом, но точно так же затаивались у себя в домах, когда ночная темнота шла по узким улицам в разгул. В деревнях с её наступлением ни один звук не принадлежит человеку – будто бы это не дома, а собрание курганов. Иногда где-то начинает плакать ребёнок, но его голос напоминает птичьи крики. Его нельзя назвать человеческим.

Дети – ещё не люди, это кукушата, которых кто-то неведомый подкидывает людям, неумело замаскировав под подобие человека, а потом каким-то образом подменяя его настоящим. Эдгар не проверял, но был уверен, что внутренние органы у детей и взрослых тоже разные. Наверное, они похожи изнутри на каких-нибудь больших птиц – бывает, эта несхожесть проявляется особенно явно. Однажды он видел детёныша нескольких месяцев от роду с хвостом и даже держал его на руках: отец попросил отнести в лес. Оказал услугу и другому человеку – умертвил его детёныша, шея и плечи которого были покрыты перьями, точно у грифа.

Когда-то Эдгар боялся детей – его пугала их нечеловечность. Сейчас привык, и стал воспринимать, как суестьющихся везде воробьёв. Но растить собственного ребёнка, видеть, как это существо учится выражать эмоции, подражая тебе, а потом вдруг изрыгает свою звериную натуру, точно отрыжку, тебе в лицо... нет, поверить, что из этого вырастают взрослые люди, которые осваивают различные, чудесные ремёсла, практически невозможно.

В доме, где Эдгар лечил человека-рыбу, не утихали голоса. Наоборот, становились громче. Ставни на ночь уже поставили, но Эдгару мерещилось, что он видит за деревянными панелями бродящие туда и сюда тени. На козырёк крыши приземлилась сорока и тут же взлетела, прокричав проклятие не блюдушим тихое таинство ночи. Костоправ нахмурился: побоялись бы если не отсутствия солнца, то хотя бы ангела с мешком, что сидит у кровати больного. У него в мешке, знаете ли, полно места, а вес человеческой души, тем более, такой пустотелой, что позволяет себе шуметь после заката – что семена берёзы.

А потом случилось небывалое – с последним лучом солнца, пляшущим на низких облаках, дверь отворилась (заставив всю округу встрепенуться), голоса поднялись, будто церковный хор в мгновение единения душ, а потом вновь затихли. Только на крыльце осталась фигура с мешком, раздутым, как бычий пузырь.

Всё погрузилось во тьму. Листья старой яблони, под которой осталась повозка и осёл, перестали отражать свет и стали, все вместе, грозовой тучей, будто бы нависшей над скатом крыши. Свиньи под боком завозились, зарываясь глубже в свои опилки. Эдгар задержал дыхание, представив свою грудь тугим мешком в руках ребёнка, которого – без сомнения – он видел только что на крыльце, и стал ждать.

Наверное, то ангел. Душа старика всё-таки покинула тело (цирюльник не ожидал, что это случится так скоро, иначе ни за что не остался здесь ночевать, а отправился куда-нибудь за окраину села), и посланник Божий поймал её в мешок. Эдгар ни разу не видел, чтобы ангел пользовался дверью, но на то он и ангел, чтобы уходить, как вздумается. Может, ещё и попрощался за ручку с домохозяином и обменялся любезностями с его женой?..

Но потом до Эдгара донёсся звук шагов. Шагов! Кто-то несмело спустился с крыльца, шёл по примятой траве в сторону хлева. Мешок бил по ногам, и невысокое существо подняло его повыше.

– Большой человек! Господин костоправ! Ты там?

Этот голос... нет, вряд ли его можно приписать ангелу. Этот голос предлагал отдать великану свои игрушки, их Эдгар, заметив среди прочих подачек, аккуратно устроил, словно на холме, на верху вещевого мешка.

Эдгар сидел молча и девочка, в конце концов, полетела кубарем через его ногу, лицом прямо в грязь. Свиньи с визгом бросились врассыпную, в курятнике возле дома забеспокоились птицы.

– Привет, большой человек, – поздоровалась она, проворно отряхиваясь от опилок. – Как я тебя не заметила!

– Откуда взялась?..

Эдгар не мог припомнить, когда он в последний раз разговаривал ночью. У него была привычка во время долгих переходов распевать песни, которым его научили рабы, когда приходилось служить на галере; и рассуждать, в отсутствие других занятий, с самим собой об окружающем мире. Как-то Эдгар придумал самому себе прозвище: «пыльный философ». На большом тракте его частенько оставлял глотать пыль конный кортеж обладателя каких-нибудь регалий, пронеслись, лихо гикая, солдаты с какими-нибудь знамёнами на заброшенных на спину щитах. Его считал своим долгом обогнать, перед тем припечатав окриком к обочине, даже везущий сено на базар фермер. И за всеми ими оставались целые облака пыли, которую Эдгар с благодарностью, будто то не пыль, а развеянная по ветру медовая пыльца, вдыхал. Воистину, мало было тех, кто двигался медленнее его ослика, а пешие путики казались цирюльнику постигшими величайшее на свете таинство – таинство пешей ходьбы, когда кровь, сочащаяся через протёртые подошвы твоих сандалий, была подражанием апостольской доле и, в то же время, знаком, красным символом для тех, кто идёт следом. Да мало ли их! Прокажённые, скитающиеся целыми оравами, паломники, собиратели, ушлые жулики, обнищавшие воины, несущие всё своё скудное вооружение на себе и не несущие только сбившего ноги и проданного в ближайшей деревушке коня, многие-многие другие...

– Меня выставили из дома, – заявило существо. Сейчас, с наступлением темноты, образ складывался из невразумительных шевелений, из запаха, – чуткие ноздри Эдгара ловили отчётливый запах чернослива, – и ещё из звука голоса.

Эдгар молчал; он силился уловить в голосе ребёнка интонации, которые подскажут, какой силочкой применить, чтобы поймать это загадочное существо. Расшифровать его мысли, как с горем пополам получалось со взрослыми людьми.

– Они сказали, что если дед пойдёт на поправку, ему теперь понадобится больше еды, – сказала девочка. – А от меня всё равно никакого толку.

– Сказали, от тебя никакого толку?

Девочка пошевелилась; Эдгар видел только её силуэт напротив маленького квадратного окошка. Она его не видела вовсе.

– У меня два брата и старшая сестрёнка. Рано или поздно она выйдет замуж. Будет приданное, но на двух дочерей у родителей не хватит.

Постепенно, одного за другим, Эдгар растолкал уснувшие слова. Прочистил глотку и сказал:

– Маленький страшенький зверёк. Тебя вышвырнули за дверь и напутствовали проклятием?

– Да уж не добрыми словами. Наверное, у мамы скоро снова будет ребёнок. Они надеются ещё на одного сына. От дочерей никакого толку. Мама была против, но отец сказал, что мне больше не место в этой семье. Сказал – идти прочь из деревни, по тракту на север, в сторону Ульма. Так, чтобы солнышко было справа. Идти, пока не наткнусь на какой-нибудь монастырь. Там есть приюты для сирот и брошенных детей.

На этот раз Эдгар сумел понять, что на душе у девочки. В жилах её буквально кипел огонь. Он искал в голосе хлюпающие звуки, но не услышал: жар внутри высушил все слёзы.

Этих причин достаточно, чтобы выставить ребёнка на улицу, но главную причину они дочери не сказали. Она помогала ему, Эдгару. Не побоялась держать за руку того, кто одной ногой уже стоит в приснопамятной лодке.

Монах из прибрежного монастыря был бы горд – его аллегии используются на полную катушку.

Эдгар только теперь заметил, что руки у него всё ещё липкие от крови и дурно пахнут.

– Где у вас здесь можно ополоснуться?

– Вон там, в бадье. Оттуда пьют свиньи.

– Скотине будет не очень здорово от человеческой крови.

– Мне все равно, – ответила девочка. – Утром меня здесь не будет.

Эдгар не видел, в какую сторону показала его новая знакомая, но запах воды приятно щекотал ноздри. Стоило о ней подумать, как великан сразу почувствовал верное направление. Кровь, казалось, вьелась настолько глубоко в кожу, что от неё можно было избавиться, только содрав всё вместе. Однако, орудуя опилками и натирая попеременно обе ладони, Эдгар добился приемлемого результата. Он вылил из бадьи отравленную воду, после чего вернулся в угол. Девочка пинками разогнала свиней и устроилась посреди хлева, взгромоздившись на свой мешок.

– Как тебя кличут в людях, девочка-полоз? – спросил Эдгар.

– Ева. А тебя?

Эдгар дёрнулся – через его тело прошла дрожь отвращения. Для каких козней это существо хочет знать его имя?.. Нет, никогда он не даст повод свершиться чёрному колдовству, никогда не опустится топор из оникса на шею... Существо на другом конце сарая внезапно представилось Эдгару отвратительным, покрытым слизью и зелёной пупырчатой кожей, звуки, которые оно издавало, бередя и заставляя биться в конвульсиях ночь, были богохульными, они, как будто, обретали, едва покинув рот, собственные маленькие тела и бесцельно бродили по помещению, тыкались в стены, тонули в лужах и застревали в соломе. Эдгар подтянул колени к подбородку, опасаясь, что его заденут.

– Это незнамо. Утром мы разойдёмся.

– Но я же назвала тебе своё имя!

Гнев весь выкипел – во всяком случае, воды там Эдгар больше не чуял.

– Я зря спросил. То не нужно для меня. Горе мне теперь с этим знанием, горе да чума.

– О чём это ты? – спросила девочка, и, не дождавись ответа, задала другой вопрос: – А куда ты направляешься?

Эдгар испытал странное, незнакомое ранее чувство. Очень давно никто не спрашивал его, куда он держит путь. Может, и вовсе никогда. А ещё великан внезапно обнаружил, что его слов, слепых и беспомощных, как кутят, здесь ползает гораздо больше, и уже не мог удержать их товарищей: тонкие, как пергамент, губы порвались, извергнув целый поток слов.

– Куда-нибудь, где проезжает хорошо, если одна за три дня телега. Старамо держаться далеко от дорог и трактов. Столько людей... я действую им на нервы.

– Тебе всё равно, куда ехать?

– На перекрёстках сворачивать на самую неприметную дорогу, где больше кустарника, туда, где вязнут ноги. У меня есть осёл. Иногда я доверяю ему выбирать направление.

– А разбойников не боишься?

– Нечего взять с такого убогого, как я. Жалкий человеке, без титулов, без богатств, без слуг, без оружия... я как беззубый рот.

Девочка затихла. Похоже, она ожидала другого ответа. Эдгар вытащил пробку из бутылки с вином и хорошенько прополоскал рот. Во рту ещё оставался вкус гнилых яблок, которыми пропах дом крестьянина. Удивительно, но он стал только крепче. Эдгар только теперь понял, что вино сделано из тех же яблок.

– Мы можем утащить поросёнка.

В голосе ребёнка послышались новые нотки. Такие могли бы проснуться одним недобрым утром в глотке мирного вулкана, который спал в течение столетий и на мохнатом боку

которого начали выпасать свои стада пастухи. И снова Эдгар дёрнулся, задрожал. Влага потекла у него по подбородку, на шею.

– Живу подаянием, – торопливо растолковал Эдгар. Он пришёл в необъяснимое волнение. – Воровство перед Иисусом тяжёлый грех, а я – великий грешник. Я крал луковицы, морковь, корнеплоды, но лишь для того, чтобы немного усмирить голод. Красть лишь у тех, кто смог бы отдать, но презрел заветы, забыл заповеди, стал жадным и слепым... или же просто-напросто не прошёл мимо меня, алкающего, а шёл на другом конце рыночной площади. Я сам прохожу мимо, понимаешь? Но никогда я не крал чего-то, чего не смог бы съесть прямо там, за один присест.

– Я разрешаю, – с удивительно взрослой ноткой пренебрежения сказала девочка. – Это же мои родители. Считай, что это моё приданное. Когда мы найдём мне жениха, оно будет очень кстати.

Эдгар помотал головой. Этот человеческий ребенок всё больше и больше его изумлял. Она говорит взрослыми словами, а потом начинает чирикать, как воробей: ровно столько же смысла в её словах. Позже, глубокой ночью, он пришёл к неожиданному выводу, что сам не очень хорошо представляет, какие слова пристали взрослым, а какие детям – потому, что недостаточно общался с теми и с другими.

- Таскать за собой поросё? Всё время?
- Скажем жениху, что были очень голодны.
- Я не собираюсь таскать с собой тебя.

На это девочка ничего не ответила. Зашуршала мешком, а потом шёпотом спросила:

- Будешь кушать?

Эдгар принял в темноте неистово креститься. Девочка сказала проникновенно, так, будто пыталась вложить в голову великана свои мысли:

– Ты и я – мы в свинарнике под одной крышей! – сейчас казалось, будто она совершенно его не боится. – Для тебя, может быть, это хороший ночлег, а меня выгнали из дома. Если я буду есть одна, то совершенно точно расплачусь.

От еды Эдгар не стал больше отказываться. Он принял из рук Евы разделённую по-братски лепёшку да половинку дряблой репы. Чтобы наестся, Эдгару нужно было не больше этой маленькой девочки. Он приучился к небольшому количеству пищи. Должно быть, желудок под этим животом размером с куриный.

Когда хруст репы затих на зубах, и стало слышно, как пытается выпутаться из ветвей ясеня ветер, девочка, которая вновь забралась в свой угол, попутно отбившись от любопытного носа свиноматки, покушающегося на еду, сказала:

- Поговори со мной. В темноте очень страшно.
- Сейчас ночь.
- Да, потому и прошу.
- Ночь, не время ворочать языком. Время слушать, что говорит она.

Эдгар вздохнул, приводя в равновесие пошатнувшуюся мельницу своих чувств и ощущений. Всё-таки плохо они поступают, нарушая всевластие ночи. Она не замедлит отомстить.

- Расскажи мне. Что тут можно услышать?

Ева говорила шёпотом. Может, она прониклась торжественностью времени суток и ощутила, наконец, качку, которая сопровождает путешествие их ковчега-свинарника через ночь. Эдгар впервые подумал, что этот шёпот не выбивается из картины, которую он рисует для ночи своими чувствами. Зато его собственный голос – выбивается ещё как, и великан постарался как можно быстрее закруглиться с изложением собственных мыслей, свернуть их в твёрдое, как зёрнышко сушёного гороха, слово.

- Всё вокруг. Всё как-нибудь звучит.
- Страшно-то как... Мамочки...

– Прислушайся, дочь, и услышишь, – Эдгар вложил в голос всю строгость, которую смог собрать на языке. – Услышишь грифонов, что парят в небе, мантихор, что претворяются кустами, услышишь, как курицы отрачивают рога и состязаются в воинском искусстве... Это ночь... Она другая, нежели день. День – добряк с во-от такими глазищами, если только это не зимний день (тогда он старый ворчун, и из уст его исходит ветер), с этой женщиной нужно быть, как с чёрным цыплёнком. Как со святым апостолом Павлом перед тем, как Христос обратился к тому в земле Иудейской, благой. Она – королева суровости и углов, не терпит в своих владениях самоуправления.

– Разве женщины могут сидеть на престоле?

Эдгар обозначил движение плечами, и Ева, не дожидаясь ответа, сказала:

– Когда я иногда не сплю ночью, мне мерещится знаешь что? Будто я плыву в кровати, как в лодке. Это страшно... а потом я засыпаю. Никогда не была ночью снаружи. Знаешь, какое сейчас чувство? Как будто я достигла на этой лодке дальних неведомых берегов, где никто из людей не был, а живут только великаны, вот вроде тебя. Здесь всё не как у людей. И на престоле не император и не граф, и не король, а королева.

– Это королева-ночь, Лилит, великая роженица, душащая своих детей пуповиной, и лишь крики её, разрешающейся от бремени, доносит до нас ветер. Она видит тебя, человеческий ребёнок, знает, насколько хрупка у тебя шея. Так слушай, что она тебе шепчет, коль уж бодрствуешь, слушай, пока я здесь, с тобой – ночная мать никогда не придёт туда, где есть хоть один бодрствующий мужчина.

– Я попробую, – пообещала Ева, испуганная до полусмерти.

Сегодня это был соловей, что прыгал прямо по крыше их пристанища, был ослик, что переступал ногами в своей беспокойной дрёме – этот ослик показался Еве очень милым днём, и ей приятно было о нём размышлять, представлять, как лежат на его спине блики от луны, как ноздри затягивают ночных мошек. Ещё были звёзды, что сменялись в щели в потолке с поразительной быстротой, и каждая норовила ему, Эдгару, подмигнуть. Был храп кого-то из местных жителей, настолько могучий, что разносился по всей округе – он не мог принадлежать родителям Евы, Эдгар был уверен, что они не спят и выглядывают в щели между ставнями. Может, утром они примут дочь обратно.

Так и заснули, каждый в своём углу, проникая слухом, точно рыбьими иглами под ногти, в окружающую среду. Когда первые лучи солнца подняли великану веки, Евы уже не было.

Глава 2

Девочка ждала сразу за поворотом дороги, там, где начинались пребывающие в этом году под паром поля. Эдгар не коснулся поводьев, недвижимый и уродливый, словно подточенный солнцем ком грязного снега, но Еве с лихвой хватило времени, чтобы забраться в повозку и втащить туда похожий на большого, блестящего от росы слизня, мешок с пожитками. Ослик повернул голову и недоумённо скосил на хозяина глаз. Нельзя сказать, что девочка имеет какой-то заметный вес, но в повозке Эдгара никогда никто не путешествовал, кроме мух, присевших отдохнуть на попутном транспорте.

– Из Собачьего хвоста ведут три дороги, – деловито растолковала она Эдгару.

– Здесь лучшие камни, чтобы греться маленькой ящерке?

На лице здоровяка появилась смущённая улыбка, немало удивившая Еву. Кажется, солнце, умыв лучами, привело в порядок его голову, пробудив от ночных кошмаров.

Ева сверкнула хитрым, почти кошачьим взглядом.

– Ты сам сказал, что едешь там, где меньше народу. Более заброшенной дороги не найдёшь. Она ведёт...

Эдгар помотал головой, и Ева не стала продолжать. Человек, который выбирает самые запущенные дороги, вряд ли захочет знать, куда они приведут – поняла она. Такие, будто идеально подошедший к шляпке жёлудь, мысли возникали иногда в голове девочки сами собой. Это как разгрызть орешек: ты вдруг точно понимаешь мысли других людей, детишек, прожевываешь ядро этого знания с нескрываемым удовольствием. Мысли взрослых людей, что значит – самых непонятных людей на земле, чаще всего оставались вне понимания Евы, однако этот гигант оказался приятным исключением.

– Зачем ты пропала? – спросил он. Голос пугал и смешил Еву одновременно; ночью она с трудом удерживалась от того, чтобы не запищать от страха. – Для какой дьявольской цели? Ужели бродяжничать?.. Твои рожатели были за дверью. Один удар, слабый удар, и она б отворилась. Ты вновь была бы дома.

В голосе костоправа слышался детский, почти щенячий, испуг, и Ева вдруг подумала: что, если эта громадина, которая может прихлопнуть её одной ладонью, как она, самая шустрая и остроглазая, бывало, успевала прихлопнуть муху, и в самом деле её опасается?

Уголки бледно-розовых губ девочки дёрнулись.

– Может так. А может, и нет. Я просто проснулась и ушла прочь.

Теперь, при дневном свете, девочка ощущала на себе пристальный взгляд. Она не похожа ни на мать, ни на отца – тонкая, почти прозрачная кожа, острый подбородок, неровно подрезанные у шеи чёрные волосы. Глаза подвижные, трепещут ресницами, словно две стрекозы. Нос с еле заметными крапинками веснушек. Похожа, – решил для себя неожиданно Эдгар – на наглого воробья, который на всё готов, лишь бы завладеть упавшей хлебной крошкой. Это, наверное, единственные птицы, которые не стремятся, теряя перья, поскорее исчезнуть при приближении людей, а сначала присматриваются к тебе. И, если у тебя нет в мыслях обеспечить себе на ужин десяток птичек, – принимают беззаботно рыться в твоих вещах. Великан стал думать о гвоздях, которые по преданию приносили воробьи к кресту, на котором позже был распят Христос. Может так случиться, что в клюве у этого воробышка гвоздь для него, Эдгара?..

Сходство с маленькой птахой подчёркивало свободное платье коричневого цвета, сандалии из тонких ремешков на толстой подошве. Позже, когда Ева будет уверять Эдгара, что легко сможет сама о себе заботиться, в пример будут приведены эти сандалии, которые были собраны вот на этих вот щуплых коленках.

«Только подошвы сделал для меня братец», – скажет она.

Дорога и правда никудышная, но теперь Эдгар не боялся, что она оборвётся, когда кончатся поля. Кусты чертополоха скребли по днищу повозки, хитрый осёл нарочно опускал голову, чтобы срывать цветы. Среди жидких, похожих на камыш, колосьев ржи серебрилась паутина. Мелькали полевые мыши. Теперь, на пару летних месяцев, это поле отдано им; сквозь комья земли пробивается сорная трава, душистые цветы кашки, белые, точно звёзды, ромашки. Кое-где сияли, точно блики в речной воде от нарождающегося солнца, бутоны вербейника. Хороший знак – земля здесь идёт на поправку, невзирая на то, что во многих регионах, бесплодная грязь с которых липла к колёсам эдгаровой повозки, ещё аukaется тяжёлая, десятилетней давности, поступь засухи. В конце лета сюда выпустят пастись стада, а на следующий год засеют ячменём, и если будет на то воля Господня, если пошлёт он столько влаги, сколько выпало в этот год, крестьянину останется кое-что пожевать.

Мысли цирюльника блуждали среди луговых трав и ароматных соцветий, чтобы вновь набрести на полевых мышей. «Как их уши могут обходиться без соломенных шляп?» – некоторое время думал он.

Ева притихла, разглядывая спутника – вечером он показался ей едва ли человеком – будто их навестило существо из легенд и преданий, знатоком которых была покойная ныне бабушка. А ночью девочка просто не могла ничего видеть. Но этот образ остался с ней на всю ночь, образ ожившего камня, обитающего в горах на севере, гранищего в пещерах драгоценности и способного кулаком запрудить горную речушку. Будто какой-то маленькой девочке – не Еве, а другой, скажем, живущей по соседству, – бабушкиным голосом рассказывали историю: «Прослышал великан, что в одной деревне живёт кроха, делающая соломенных кукол, и захотел он забрать её с собой в горную страну...»

Сейчас впечатление немного поблекло. Солнце припекало; Эдгар стянул через голову котту и остался в исподнем – просторной рубахе с треугольным горловым вырезом, с многочисленными заплатками на локтях и плечах, и штанах. На голове соломенная шляпа с широкими полями. Эта шляпа настраивала случайных встречных на более благожелательный лад – любой разбойник скорее примерит петлю, чем станет носить такой головной убор. А неспешная манера передвижения (осёл при всём желании не мог развить какую-то скорость) делала из костоправа огромную букашку, годами ползущую от одного конца мирового кленового листка до другого. Эдгар знал, что в таком наряде он похож на огородное пугало, путешествующее по стране туда, где есть работа.

Единственное, что могло насторожить – засохшая кровь на рукавах. Ниже локтей места, чистые от человеческих выделений, смотрелись несурзацей. Эти рукава были своего рода вывеской, оповещением о роде его занятий. Странствующих палачей не бывает, головорез не будет хвастать на людях выпущенной кровушкой; скорее жилетом с чужого плеча. Остаётся только медицинских дел мастер.

И медицинские мастера вызывали подозрение не меньше прочего странного люда.

– Значит, ты лечишь людей, и не просишь за это никакой награды?

– Подаяние, милостью Божией, – покачал головой Эдгар. Скопил глаза на попутчицу, и сделал осторожный выпад:

– Значит, ты делаешь таких соломенных кукол?

Одну из них, лошадку с пушистым хвостом из соломы, Эдгар нынче утром привязал к изогнутому над своей головой пруту, составляющему часть крыши; теперь она болталась на шнурке, как будто приплясывала на месте, готовая пуститься в бешеную скачку. К людям Эдгар по-прежнему относился с подозрением, поэтому спрятал их маленькие копии поглубже в мешок. Когда он выезжал из деревни, то подумывал выбросить их в заросли крапивы, но что-то заставило его раздумать. И вот результат! Его нашла более настоящая копия человека, хоть и маленькая, но из плоти и крови.

– Куклы – это просто так. Я умею печь хлеб, умею бежать впереди сохи и выбирать крупные камушки. Умею управляться с Кормильцем – так зовут нашего мерина. Надеюсь, кто-нибудь будет давать ему половину морковки по утрам.

День выкатывался на небо слетевшим с повозки колесом. Оно мелькало среди туч, то появляясь, то исчезая, и тогда Ева закрывала глаза, болтала головой, а потом пыталась угадать, за каким облаком оно спряталось. Сейчас самое начало лета, но его приход остался незаметным за чередой пасмурных дней, каждый второй из которых изливал по грешной земле плач.

Приспустив веки, Эдгар поглядывал на свою спутницу. Воистину, странные существа – дети. Они как мелкие суетные птички, или как рыбы с красноватым тельцем, что играют на мелководье в толще воды. Совсем не волнуются, если течение отнесёт их далеко от привычных берегов. Он находил подтверждение прежним наблюдениям: относиться к Еве, как к маленькой копии человека, будет неправильно. Она не человек. За годы странствий Эдгар собирал крупинцы информации о людях. Если бы он умел писать, как монахи в своих монструозных библиотеках, наблюдения, может, заняли бы всего несколько листов пергамента, но когда ты в пустоши и до ближайшего пресного ручья – дни и дни пути, каждый глоток воды как открытие.

К Еве сложно применить добрую половину этих наблюдений. Она... иная. Она единственная, кто самолично навязался к нему в спутники, и Эдгар решил пока не рвать спущенную с Небес нитку, пусть даже она всячески мешается под ногами, и вообще, приводит в недоумение.

Кто знает что там, на другом её конце?

– Ты добрый, раз помогаешь людям за просто так, – подала голос девочка. – Мама читала мне сказки про великанов. Ты один из них?

– Для тебя я великан, маленькая сойка.

Эдгар сплюнул под колёса, в пыль, и сказал:

– Какие же, должно быть, у них кости, у этих великанов? Должно быть, как сосны.

Его было нелегко понять. Знакомые слова как будто формировались из незнакомых звуков – так, будто поросёнок вдруг захотел похвастаться недюжинным (для поросёнка) словарным запасом и пытается рассказать о своей жизни в хлеву. «Из какой такой дикой страны произошёл этот говор?» – думала девочка. Рассмеялась и сказала:

– Ты никогда не видел собственных костей?

– Только чужие, – ответил Эдгар. Прищёлкнул языком. – Какие же замечательные кости я видел один раз у одного переболевшего оспой паренька! Такие красивые! Видела бы ты, какие плавные изгибы у его таранных костей. Тех, что в пятках. На ощупь они знаешь какие? Словно шестопер из кузницы именитого кузнеца, с его клеймом, повергающим в трепет королей. Да, трепет королей! То лучшая награда для делателя, а хорошие кости – награда мне. Я не король – тьфу, проклятые, славьтесь, благословенные! – и не кузнец, но они хорошо умещаются на одной лошади.

– Кто умещаются на одной лошади? – не поняла девочка.

– Я хотел изречь, что кости у него были красивые, – ответил великан. – Только и всего.

– Иногда ты начинаешь говорить, как клирик. Загадками.

Эдгар промолчал.

– Ты был когда-то священником? – продолжала допытываться Ева.

– Я священник для того, кто когда-нибудь окажется в земле или на дне сточной канавы. Где здесь благодородство? Только мерзость, тлен и мухи. Только дорога к яме с костями. Господь – пастырь человеческой души, и по его слову душа очищается, но кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы по божьему велению у человека выпрямлялись кости?.. Нет! Впрочем, подожди, божья коровка, в монастыре всё тебе растолкуют.

Эдгар надолго замолчал: последние слова его были жёстки, как лежалая корка хлеба. Ева решила оставить его в покое. Казалось, будто под шляпой у великана тягучая аравийская пустыня, о которой девочка слышала лишь сказки, пустыня, наполненная миражами, высохшими растениями и скелетами диковинных существ. Пустыня, по которой путешествуют, заблудившиеся случайно или нарочно, сокрытые от большинства людей мысли и стремления.

Размышляя таким образом, она принялась самозабвенно раскачиваться из стороны в сторону, в такт неспешному покачиванию ослиного крупа. А потом, выждав время, спросила:

– Мама говорит, врачи не ходят даже хорошими дорогами. Вообще никакими дорогами не ходят и не ездят верхом. Они заседают у себя в университетах, в римских землях, в городах Болонье и Салерно... А у тебя на сапогах такой слой грязи, что просто ух! Готова спорить, ты шёл Западной топью.

– Дорога была тяжела, – согласился Эдгар. – Но я и не врач. Врачи оканчивают университеты. Они лечат мудростью древних римских философов, лечат по книгам и клиентами их становятся богатейшие горожане. Приходят к больному на дом, прописывают ему лечение. Потом приходят ещё и ещё, до тех пор, пока человек не выздоровеет или не умрёт.

– Наверное, хорошо, когда кто-то заходит тебя проведать, – сказала Ева.

– Эти люди умны. Но потом внутри них начинает зреть хитрость. На службу их принимает Христос на небесах, свидетельствовавший перед отцом своим Небесным. Вот только, получив благословение, они начинают думать, что подобны древним старцам, даже пыль со стоп которых была священна. Они забывают молитвы, забывают, что тело – лишь уродливый придаток, пусть и занимательный, в этом я спорить не буду... они упиваются своими знаниями, ставят их превыше... – лицо Эдгара дёрнулось, так, будто по нему прошла невидимая плётка и, как следы от этой плётки, лоб прорезали морщины. Потом он продолжил: – превыше всего. Они приходят проведать, не подошло ли к концу твоё богатство.

– Ты не такой? Ты глупый?

– Неграмотный, как сельдь. Слышал о Гиппократе и Праксагоре, но лишь самую малость.

– Но ты же лечишь! Почему бы тебе не называться врачом?

На длинном лице появилась кривая ухмылка.

– Плоть моя когда-нибудь успокоится на осине, если найдётся ветка, которая меня выдержит. Я начинал как цирюльник. Волосы и ногти были сперва, а кости уже потом, когда стал взрослым. Голые, обнажённые кости вершина моего мастерства, но не врачевание.

Ева продолжала пытливо вопрошать:

– А откуда ты родом?

Этот вопрос поставил Эдгара в тупик. Он открыл рот, чтобы ответить, но ограничился лишь междометьем: «умм»... Потом вдруг с подозрением и почти что ненавистью уставился на Еву.

– Ты что, не помнишь, где ты родился? – усомнилась девочка.

– Ты украла.

– Я? – Ева замотала головой. – Честное слово, у меня ничего нет! Тем более, твоей родины. Можешь посмотреть...

– Ты ношная ведьма. Ведьма-тень. Нету на тебе креста, дьявольский морок...

– Но сейчас же день, а я не исчезла! – закричала с возмущением Ева. – И, уж конечно, меня крестили после рождения.

Этот довод неожиданно возымел действие. Эдгар потух, как свечка, которую затушил ворвавшийся в открытую дверь сквозняк. Глаза снова стали похожи на рыбы; они недвижно смотрели на покачивающийся круп Господа. «Что происходит там, по ту сторону этих глаз?» – спрашивала себя напуганная Ева. А потом, хотя она уже забыла про свой вопрос, уста Эдгара разомкнулись.

– Голова этого человека, – костоправ постучал раскрытой ладонью по лбу, – закостенела, стала вся насквозь твёрдой, как камень. От нежных розовых хрящей, которые обычно бывают под волосами, и туда, глубже, не осталось ничего. Я не помню ни где находилась та деревенька, ни как называлась.

– Свиные хрящики в голове? – озадаченно спросила Ева. – Розовые цветом?

– Может, такие, – сказал Эдгар, – Может, и нет. Я видел только свои.

– Это чушь. В свою голову не заглянешь, как не извернись.

– Я держал их в руках, маленькая улитка. Они были у меня на руках, стекали, струились... Один раз, когда был ещё невысоким и даже собственной матушке доставал только до груди. Видишь, какая у меня плоская голова?

Ева, захваченная возникшей в голове картиной, даже вскочила на ноги. Ей представился великан, держащий в руках странную, мудрёную штуку со множеством ручек, рукояток и носиков, по которым стекала прозрачная жидкость... А в голове у него – ничего, пустота, будто там устроил нору какой-то грызунишка.

– Как же мне увидеть, – сказала девочка, – ты слишком высокий, даже когда сидишь. Кроме того, на тебе эта шляпа...

Эдгар сорвал головной убор, опустил поводья. Девочка смотрела, как голова спутника, похожая на планирующее с ветки осиное гнездо, бесконечно долго спускается к ней. Он опустился на колени, потом упёрся руками в качающийся пол, как будто приготовился совершить земной поклон. Голова костоправа и правда очень необычной формы. Будто камень, один конец которого за тысячелетия уступил мягкой, деблою, но такой упрямой земле, и распрямылся, разгладился в угоду её пальцам.

– Здесь, прямо в центре, была дырка, – послышался низкий, гудящий голос. Девочка зачарованно коснулась пальцами места, где у обычных людей должна быть макушка и Эдгар едва не свалился кубарем вперёд, под колёса, без конца осеняя себя, Еву, всё вокруг крестным знаменем. Шляпа улетела бы прочь, если б девочка не схватилась за неё, как утопающий за ветку. Осёл остановился, повернул к ним морду и наградил долгим удивлённым взглядом.

Когда, наконец, всё успокоилось (Эдгар, видя, что Ева не растворяется в воздухе и не корчится в белом пламени, вновь угнездился на своём насесте), девочка спросила:

– Кто, всё-таки, это сделал?

Цирюльник нехотя ответил:

– Один мальчишка, который говорил: «ты порось». «Ты – неразумная тварь».

– Он называл тебя поросем?

– Разломил голову камнем, и оставил умирать возле реки. Таким меня нашёл и учитель.

– Ты отомстил ему потом? Тому мальчишке?

Эдгар впал в глубокую задумчивость, будто воспоминания вели куда-то в глубины чёрного озера, до дна которого не достают даже самые длинные и прямые солнечные лучи. Он поднял поводья – ослик, кажется, даже не заметил, что хозяин с ними расставался.

– То было странное время. Иногда мнилось, что оно никогда не кончится. Мир большой и загадочный, простые вещи исчезли, будто их и не было, – лицо его, строгое, белое, будто кокон бабочки, внезапно прорезала улыбка и была она для Евы, как солнечный луч. Эдгар пошевелил пальцами правой руки, – Всё, что... знаешь... туда-сюда движется, потеряло смысл. Но тому была достойная замена, та замена – как птенец кукушки... Было чувство такое, будто стекают по внутренним стенкам черепа жидкости. Потом было чувство... ощущение каждой косточки, каждого сустава. Потом прошло много вёсен, и когда я впервые смог их счесть – мстить уже было некому. Тот, плохой человек, давно уже воевал с рыжими людьми-в-воловьих шкурах. Да, может, там и сгинул. Да и не за что уже его наказывать. Сейчас я совсем другой, и только сонмы святцев знают, нашли б меня те мысли, которые находят сейчас, если б я остался тем, кем был.

Он посмотрел на девочку так, как разоткровенничавшийся посреди леса старик-отшельник смотрит на трухлявый пенёк – воспринял ли он излияния и шепнёт ли кому потом, или лучше сесть на него, и сторожить, не слезать до конца времён? Потом продолжил:

– Мысли, они гоняются за человеками, как стрекозы за мошкаррой, маленькая сойка. Только определённым мыслям нужны определённые люди. Лишь Господь знает, о чём бы я думал, если бы остался тем, другим...

Когда охровые, будто намазанные краской, поля подошли к концу, Эдгар и девочка слезли, чтобы сорвать себе немного колосков. До сбора урожая ещё далеко, но пожевать стебелёк с пахнущими хлебом семенами всегда приятно. На завтрак они ели то, что собрали ей с собой родители: лепёшек оставалось ещё на два раза, нашлось даже немного вяленого мяса – Эдгар нашёл его завёрнутое в листья, по запаху, а Ева пришла в бурный восторг и заявила, что у цирюльника нос, как у пса.

– Человеку нужно чують болезнь, – сказал он. – Многие болезни распознаются по запаху.

– Значит, ты лечишь не только сломанных людей?

– Сращивать переломы и ровнять бороды, – спокойно поправил Эдгар. – Ещё стричь ногти. С Божьей помощью я умею властвовать над сращиванием костей. Некоторые прочие болезни можно только опознать. Но это работа для настоящих врачей.

– Тех, что в университетах, – кивнула девочка. – В Болонье и Са...

– Не встречался с ними, – перебил Эдгар, – и вовек бы не встречался. О, потопаи и вулканы Содомы! Да поможет Бог им и тем, чья плоть под их ножами.

Задали работу челюстям и девочка, не умея во время еды усидеть на месте, принялась сочинять историю. Прошло некоторое время, прежде чем она поняла, что рассказывает её своему спутнику вслух. Так происходило со многими сказками: они возникали так, будто их надул в одно из ушей Евы ветер, а потом проливались во внешний мир. И слышал их кто-нибудь или нет – в сущности, не важно.

– Жила одна маленькая девочка, которую забрал к себе домой великан. Он проходил через их деревню и случайно наступил на дом её родителей. Выжила только малышка. И великан сказал: «забирайся ко мне на ступню, я повезу тебя к себе. Будешь жить у меня высоко в горах и не знать ни в чём нужды»...

Она прервалась, чтобы посмотреть, как бегают по траве ветерок, и, обнаружив, что великан прислушивается, склонив голову на бок, спросила:

– Ты любишь сказки?

– Сказки? Что такое? Мне никогда их не рассказывали, – пробурчал цирюльник. Жевал он тщательно, приподнимая похожие на рыбы жабры краешки рта, и тогда Ева видела жёлтые зубы, точно запрятанные где-то в недрах земли окаменелости.

– Я люблю. В сказках всё не так, как на самом деле. Можно за один вечер побывать далеко-далеко от дома.

– Мир очень большой, – заметил Эдгар. – Кто-то ездит по свету уже несколько десятков лет и до сих пор не видел его края. Британия – вот загадочная и великая страна, страна, где на сушу, бывает, выползают кракены. Иные, такие как я (кажется, упоминание о себе было для Эдгара, словно зубная боль), не были на востоке и в землях, полных песка. Такие земли, говорят, есть.

Ева догадывалась, что люди, которых великан прячет, вводя в рассказ загадочного «кого-то» – на самом деле он и есть. Она засмеялась, тыча в Эдгара пальцем.

– Ты стал очень разговорчивый.

– Есть одно, что хочу только сказать – продолжал он, стеснённо двигая локтями, – любой сказ кончается, и начинается то, что вокруг. То, что вокруг, будет описано в сказочных книгах в монастырях, ими будут кормить, как птенцов, простые люди. Где-то есть все эти маленькие человечки, и птицы с головами людей, и косматые оранжевые звери...

– Конечно есть! – подвела итог этому странному разговору Ева. – В тебе, например, течёт кровь великанов.

– Хотел бы покопаться в их нутрях, – пробормотал Эдгар, снова играясь с мимикой, изгибая черты лица то так, то этак. Кажется, все его желания, в конце концов, сводились к тому, чтобы поковыряться в чьей-нибудь плоти. – Посмотреть, как они устроены, все эти сказочные звери.

– Я знаю, как они устроены, – сказала девочка. – Например, у василиска тело петуха и змеиная голова. У него две лапы о четырёх пальцах каждая, два крыла, змеиный хвост, чешуя и перья, а сколько у него глаз, никто не знает, потому что едва в них заглянешь – и можешь простаться с жизнью...

Великан вспыхнул добродушной ухмылкой, но Еве отчего-то казалось, что она не имеет к тому, что окружает этого странного человека, точнее, человечиче, ничего общего. Эдгар улыбался каким-то своим мечтаниям, а если б она, скажем, ущипнула его за бок, от улыбки не останется и следа. Эдгар её боялся.

– А ты знаешь, как устроены изнутри обычные звери? – негромко, чтобы не побеспокоить грёзы великана, сказала Ева.

– Стечётся время, звёзды сойдутся, и ты увидишь, – сказал цирюльник, и вовремя спохватился. – Но путь твой, искра от костра – лететь в монастырь и служить Господу, как завещали предки...

– Они ничего не завещали. Они просто спихнули меня долой с глаз, – сказала девочка, внутренне сочась обидой. Эдгар, увлечённый какой-то внутренней мыслью, пропустил слова Евы мимо ушей. Губы его шевелились, виски подёргивались, в горле клокотали молитвы. Он взгромоздился на передвижной насест, как престарелый, больной, но всё ещё гордый орёл, который знал, что тень от размаха его крыльев способна укрывать собой целые поля. Осёл как будто привстал на цыпочки, готовый по первому же знаку рвануть вперёд. Эдгар заговорил, и речь его была, точно проповедь:

– Только к тем, кто всегда в движении, как паломник, благоволят небеса, и к тем, кто возделывает землю, и ни разу в жизни не сходил с неё. Тем же, кто говорит, будто идёт, а на самом деле сидит на нагретом солнцем камне и ленится с него сойти, сам становится бессловесным камнем, деревом, ящерицей или улиткой, не сходящей с места, пока ей там хорошо.

Судорога снова изменила черты, будто цепочки муравьёв пробежали по белесой пустыне. Цирюльник затараторил, становясь всё больше и больше непонятным:

– Я – есть ли? Он – есть ли? Есть ли мудрость?... Глупый как животное, которая знает только, что хорошо для её желудка, что лучше в рот не брать, а от чего лучше спастись бегством, поэтому распознать мудрость не может... Господи, спаси нас от зла, спаси нас, неразумных!

Он торопливо перекрестился, рукава взмётывались при каждом движении, и Еве на мгновение показалось, что её спутник сейчас оттолкнётся ногами, чтобы взмыть в небо. Девочка вдруг поняла, что не может сглотнуть. В горле будто завелись грозди летучих мышей.

– Как его зовут? – спросила девочка, показав на ослика и надеясь таким образом увести разговор в другое русло. Зверь напряжён, из-под мягких губ торчат клочки травы, которую не успел дожевать. Кажется, его обуревала та же страсть, что и любого бродягу – бежать вперёд.

– Господь, – ответил Эдгар, вытерев лоб и чуть успокоившись.

– Господь? Как господа Бога?

– Да! – великан повернулся к девочке. Глаза его пламенели. – Потому что он едет впереди и показывает путь. Он всегда чуть смелее, всегда чуть увереннее, чем, чем, чем... Это он въезжает в новую незнакомую деревню, и даже в городские ворота, а не я. Я всего лишь делаю то, что умею. Где я был бы один? Так что – да, он и в самом деле мой господин.

– Ты ведь его не бьёшь?

– Никогда не поднимать руку на Господа. А вот Господь... один раз он ударил меня копытом. А другой раз наступил на ногу, так что пришлось врачевать свой палец. Это всё потому, что иногда один человек думает о других плохо.

Мимо проплывал неожиданно мягкий полдень, давший короткую передышку от бесконечно морозящего дождя. Дорога и правда оказалась неважной. Будто палуба морского корабля, отклонялась она то вправо, то влево, а иногда и вовсе скрывалась в зарослях крапивы и лопуха. Примет, которые так или иначе говорят о присутствии людей, не было, хотя берёзки, достаточно редкие, чтобы их можно было назвать лесом, стояли, точно потупившие взор девицы, застигнутые за бездельем или каким праздным занятием и теперь распекаемые родителем. Между ними порхал, следуя за повозкой, заинтригованный внешним видом этого странного зверя о двух круглых ногах и четырёх ногах ослиных, зяблик.

Эта часть Священной Римской империи – как замёрзшая лужица. Они далеко уже отъехали от Собачьего хвоста, и Ева, чтобы себя развлечь, глядела вперёд, ожидая, когда покажется впереди, на дороге, хоть какой-нибудь человек. Это будет первый (после, конечно, Эдгара) встреченный ею человек-из-других-мест, и он – жужжала, будто пойманное в кулак насекомое, мыслишка – конечно, будет особенным. Ева ни разу не забиралась так далеко и готова была у первого же встречного видеть третий глаз, другую форму ушей, ловить ушами устрашающий непонятный говор... Но люди не показывались, и девочка вернулась из мысленных странствий на землю. В логах, перемежающихся лесами, нет места драконам и мантихорам, а только тяжкому труду и заёмам у ростовщиков-евреев. Вот странность: она теряется в догадках о внешности ближайших соседей, но прекрасно знает, что происходит в далёких землях, тех, что жмутся к краю мира, с которого извергается, будто вода, туман. Там бродят дикие венгры с гривами львов, а по морям плавают корабли с мордами драконов, на которых целиком покрытые шерстью викинги размахивают топорами.

– Ты много путешествовал? – спросила девочка, мечтательно наворачивая на палец локон.

– Всю жизнь.

– А видел край земли? Со зверями и птицами, такими, каких нет у нас. Уууу! Такие птицы с когтями льва и собаки с человеческой головой. Лошади, которые скачут задом наперёд и козы, что лазают по деревьям. Петухи с крыльями, как у летучей мыши, и чтобы изрыгали огонь. Видел таких?

– Никакой нечисти не зрел... Только людей, – покачал головой Эдгар. – Но иные люди как собаки с человеческой головой, а иные как волы, иные и вовсе как не пойми что, иные завывают на болотах, точно призраки. Они все очень разные, маленький лягушонок, и иной раз теряешься: зверь ли перед тобой диковинный или человек.

Ева захохотала.

– Тебя, наверное, тоже принимали за диковинку! – воскликнула она.

Эдгар как будто устал от разговоров. Он тупо смотрел вперёд. Ева раздувала ноздри, как молодой жеребёнок, впервые отправившийся со стадом в кочёвку, и жаждала новых знаний, новых впечатлений. Бывало, они с братьями или с соседскими детьми вырывались из болота домашних дел и бегали по этой дороге сломя голову, по холмам вверх и вниз, ранили руки о заросли шиповника, которые намотала на колёса эдгарова повозка уже порядочное время назад, но так далеко в лес, конечно, не забирались. Травы и кусты здесь те же самые – ежевика, кипрей, зверобой, искорки цветов анемона, вереск... только вот не слышно мычания коров, брехания псов – тех звуков, которые привыкло ловить детское ухо даже во сне. От тишины, в которую погружало округу молчаливое стояние берёз и ясеней, казалось, будто они едут-не едут – продираются через паутину взглядов, чьего-то назойливого внимания. Сказочные существа – порождения бредовых снов – обрели тени в путанице ветвей лещины, они подглядывали за собравшейся в комок, замирающей от восторга и одновременно от ужаса Евой...

Чтобы отвлечься, Ева стала думать о монастыре. Через Собачий хвост, бывало, проходили направляющиеся на запад паломники: сворачивали на перекрёстке не туда и потом выпрашивали дорогу, снова надеясь выйти на тракт. Женщин там Ева не видела – в основном то были согбенные старцы, и даже относительно молодые монахи выглядели как старцы, тощие, костлявые, в своём дырявом рубище они походили на свалившихся с неба, больных какой-то болезнью, отчего с щуплых их телес облетели все перья, птиц. Разговаривали страшно, делали странные вещи, и совсем маленькой ещё тогда Еве грезилось, что появляются эти странники из курганов за деревней. «Эти люди не такие, как мы, – говорила ей мама. – Они отдают себя целиком Господу, чтобы молиться за нас», а Ева размышляла про себя, что эти люди, похоже, снедаемы какой-то вечной, непреодолимой жаждой, которая делает их глаза словно бы направленными вовнутрь, мёртвыми. Они, останавливаясь возле колодца или приняв из рук какой-нибудь женщины кувшин с водой, пили и пили, но пустоты внутри никак не могли заполниться.

Ощущать такую жажду для Евы – значило приблизиться к какой-то новой грани существования, которую ручеек детских мыслей вмещал с огромным трудом. Вроде как вдруг обнаружить у себя ещё одно ухо или, скажем, лишний нос, которым тоже можно дышать и мочить кончик в молоке.

И нет, она бы не хотела остаться в этом таинственном гулком месте под названием монас-тырь, где одевают людей в рубище. Лучше уж так, скитаться по свету, разучивая свой язык исполнять диковинные кульбиты и готовя его к незнакомым наречиям.

На монастырь рассчитывать, впрочем, не приходилось. По дороге скоро стало трудно проехать, она, словно бычья жилка в руках мальчишки, растягивалась сверх всякой меры. На путников наступал, размахивая еловыми ветками, настоящий лес, а вместе с ним и прохладный полумрак. Дождя не было уже больше суток, но с листьев сочилась и капала, звонко стуча по навесу повозки, мутная влага. Зато полакомились земляникой и ещё какой-то ягодой, красной и ужасно кислой, кустики которой на земле напоминали побеги пшеницы. Эдгар слез с повозки и шагал рядом с осликом, на ходу собирая ягоды и пересыпая часть в протянутые ладошки Еве. Иногда он останавливался, чтобы срезать со встречных пеньков грибы и тут же совал в рот, жуя с таким аппетитом, будто это исходящие маслом и жаром хлебные лепёшки.

– Я всю жизнь так питаюсь, – ответил он на вопли девочки.

– Есть же несъедобные грибы, – сказала она. – Ты знаешь, какие можно есть, а какие нельзя? Знаешь ведь?

– Глаз знает, – сказал великан причмокивая. – Он говорит: «это хорошия еда». Или – «это раньше мы не видели и не пробовали»... Но я всё равно ем. Главное – верить и побольше молиться. Тогда любой яд в желудке превратится в молочную кашу.

Эдгар, как обычно, гримасничал, но выражение лица каким-то чудом оставалось серьёзным и немного отстранённым.

Тропка могла оборваться в любой момент, но когда солнце перевалило через гребень, висящей в зените и похожей на утёс тучи, она привела их к странному посёлку, раскинувшемуся среди сосен. Он казался миражом, туманом, поднимающимся от хвои, а тёмные от смолы дома трепетали, будто отражение в воде. Вода там действительно была – надвое посёлок делил ручеек, весело переливаясь из одной запруды в другую.

Словно комары, налетели мальчишки всяких возрастов; они бежали за телегой и кидались в колёса шишками. Кто-то из мужчин оторвался от работы: Ева видела у одного испачканные в глине руки, а у другого – штаны, колючие от опилок, словно шкура ежа.

Ветерок с севера доносил кислый запах распаханной земли: где-то там, на полях, кипела работа. Женщины в этот час сидели по домам: из каждого тянуло каким-нибудь кушаньем, дым из печей сливался в один общий ароматный столб. Ева не сочувствовала женской доле – знал бы кто, как это скучно, всё время быть на одном месте, ходить за людьми, которые (если они маленькие и, к тому же, фантазёры) так и мечтают сбежать от тебя на край света. С

гораздо большим уважением она относилась к детям и старикам, которые как раз были в этот час на улице. Старики горькие, как яблочная кожура, а детишки – жёсткие, как семечки. У них остаётся время на приключения и тайны, и никто не рассказывает истории так интересно, как старики и так выразительно, как дети.

– Как называется? – закричал Эдгар, и от его голоса все вокруг застыли, будто их накрыл ледяной ветер с мёрзлых северных берегов. Почти все дети растворились в тумане, попрятались по им одним известным укромным уголкам – только качнулись ветви растущей по округе жимолости.

– Как называется сия деревня? – повторил Эдгар, и из одного двора ему всё-таки ответили:

– «Туманище Хвойное». Или просто – «Хвойное». Или просто «Туманище».

То мужичок с пышной чёрной бородой, которую он, чтобы не мешалась в работе, прихватил шнурком, да лоснящимися от пота волосами. Он вышел к ограде, неспешно обдирая с пальцев засохшую глину. Кажется, внешность и голос Эдгара произвели на него впечатление: глаза смотрели колко и внимательно.

– Уж не вы ли с крапивной дороги?

– Мы ехали лесной тропкой... вот такой, – Эдгар показал ладонью, как названная тропка петляла.

– В этих краях полно медведей. Вам повезло.

Мужичок смерил взглядом Эдгара, после чего сказал:

– Впрочем, не удивительно. Ты и сам похож на медведя. На лысого медведя, который напялил на себя одежду.

Эдгар не обиделся. Напротив, внимательно и как будто бы с восхищением себя осмотрел, уделив особое внимание ногтям и венам на тыльной стороне рук. После чего пожал плечами и выдал смущённый оскал.

Владелец бороды тем временем продолжал:

– Той дорогой давно никто не ездит. Только зайцы, они иногда так разгоняются, что залетают напрямик в пасти псам.

– Я езжу, – сказал великан. – Я – странствующий цирюльник. Моя работа – пробираться через самые дремучие заросли. Если я могу справиться с твоей бородой, наверняка уж (с Божьей помощью) справлюсь и с кустарником.

Эдгар придержал осла, готового уже тронуться дальше, с живым интересом и немного застенчиво разглядывал местного жителя. В фартуке, пальцы на руках без устали шевелились, будто боялись склеиться. Рядом гудел ручей, приземистая, обмазанная снизу глиной мастерская чернобородого словно стремилась заступить ему дорогу. На широких перилах сушились горшки. В одной из запруд, в часто сплетённой сети, отмокали два больших кома глины. Во дворе был гончарный круг с ножным приводом, бродили важные куры с бурыми пятнами на крыльях – видно род занятий хозяина оказывал влияние абсолютно на всё.

– Чем здесь занимаются люди? – спросил великан.

Мужчина пожал плечами.

– Глиной. Глина – самое благородное из занятий. Из неё до самого центра состоит земля. Туда мы ещё не пробились, пока что соскребаем то, что плохо лежит, но рано или поздно пойдём глубже.

– Ваш посёлок похож на поделку из глины, хороший господин, – высказала своё мнение Ева.

Чернобородый ухмылялся, что Эдгару, судя по тому, как втягивал он щёки, как непрерывно перебирали пальцы повод, действовало на нервы. Он привык быть человеком, который вносит лёгкую панику везде, где бы не появился. Удивило великана и то, как легко заговорила с незнакомцем Ева, но она всего лишь маленькая девочка, для неё мир способен поместиться

в шляпке жёлудя, а все люди знакомы между собой и родны. Судя по ветхозаветным легендам, так и есть, но Эдгар из собственного опыта знал, что человека, который тебя не боится, сам с чистой совестью и лёгкой душой можешь начинать бояться. О разбойнике, ваяющем глиняные горшки, правда, он никогда не слышал, но каких только чудес не бывает на свете!

Незнакомец тем временем охотно пустился в повествование:

– Когда-то здесь не было никакого посёлка. Был только тракт, девятнадцатая римская дорога, что тянется до самого Константинополя. Она и сейчас есть, езжайте во-он туда, если хотите на неё попасть. Однажды по ней проезжал караван с каторжниками, которых транспортировали к границе, и у караванщика поломалось колесо на повозке. Как раз на этом месте. Он нашёл здесь глину, закрепил колесо и доехал, куда было нужно. После чего вернулся обратно и поселился здесь, добывая самую добрую в мире глину. Тому уже больше двух сотен лет.

– Вообще-то мы не проездом, – заметил Эдгар. – Господь вёл меня за собой.

– Ты что, паломник?

– Скиталец по всему земному свету. Смиранный вопрошатель: «не найдётся ли, за хлебную корку, для моих рук работы?»

– Ну, ступай с Богом. Может, и найдётся. Вон там, видишь, где раздвоенная ель? Увидишь дом нашего священника, настоятеля и наставника. Спроси его. Он ответственный за нас перед Небом, он и скажет: можно ли тебе доверять или нет.

Чернобородый показал им дорогу, а потом долго глядел вслед, разминая комок глины, который как раз отмок до нужного состояния.

Церковь не пыталась состязаться с соснами в высоте и величии. Напротив, она будто говорила: «я здесь, чтобы решать проблемы земные. Пусть и по небесным законам, но законы прекрасно слышно и на такой высоте».

Священник, сторбленный мужичок ближе к закату лет, представился Густавом Сероносый. Судя по неуловимому сходству с недавним их собеседником, обладателем великолепной бороды, общим предком большей части здешнего люда был памятный караванщик, который первым испытал на прочность местную глину.

Приняв от Эдгара горячие молитвы и пообещав сопроводить их по назначению, он внимательно выслушал цирюльника. Затряс головой:

– Не знаю, чужеземец. Не знаю. Одно скажу – резать волосы и браны я тебе здесь не позволю. Борода – то, что отличает мужчину. В ней и память, и благость, и честь. Наши предки носили бороды...

Густав Сероносый запнулся. Кажется, он только сейчас разглядел, что щёки Эдгара гладкие, точно коленка.

– Вот ты! – сказал он, и палец, изогнутый, будто древесная ветвь усеянный «глазками», бородавками, уткнулся в грудь великану. – Ты похож на... на...

– На рыбину, – услужливо подсказал Эдгар, и шея его зарделась.

Священник как будто растерял весь свой гонор. Он продолжил скрипучим голосом, всё больше походя на расколотое корыто:

– Ну и как же ты – рыба! – смеешь обращаться к Христу, будто настоящий человек? Ты, тронувший подбородок свой бритвой...

– Она не растёт, – сказал Эдгар. Снял шляпу, чтобы показать, как до этого Еве, последствия травмы. – С самого детства – ни одного волоска.

– О... – сказал Густав Сероносый. – Тогда ты правильно делаешь, что простираешься перед волей Творца нашего Небесного. Ты вроде и человек, и навечно, до старости и смерти, мальчик. Страшное наказание. Советую совершить паломничество в святые земли, но не подходи, заклинаю, не подходи к Храму Гроба Господнего, если, конечно, слухи врут, и он ещё зиждется на израильской земле, ещё не разрушен неверными, ближе, чем на пятьсот шагов.

– Так и сделаю, отец, – смиренно пообещал Эдгар. Ева, спрятавшаяся за одной из деревянных лавок, наблюдала, затаив дыхание, как великан искренне потупился перед вновь ввалившим в буйство человечком, похожим в своей истрепанной рясе на сморчка.

Наконец, отец Густав успокоился. Смерив Эдгара взглядом, он сказал:

– Для тебя здесь найдётся другая работа, и как раз касательно твоего брата-чужеземца. Живёт тут у нас один... впрочем, христианин, и живёт давно. Меня зовёт отчего-то «падре»... но мы к нему уже привыкли. Сейчас он не может работать. Третий день уж из дома не выходит. Воспалился-де какой-то нарыв.

– Где этот чужеземец?

– Пятью домами дальше. Не пропустишь, у него даже дом выстроен шиворот-навыворот. Когда сделаешь работу, ты и твой лысый подбородок, и твоё странное умение, все вместе, должны будете покинуть город. Покинуть и постараться впредь обходить его стороной.

– А мне сначала показалось, что люди здесь милые, – шёпотом сказала Ева, когда они покидали церковь. Эдгар на это ничего не ответил.

Они пошли до указанного дома пешком, ведя ослика под уздцы. Повозка весело грохотала разболтанной осью, дети снова носились вокруг, и Эдгар, если в него вдруг попадала шальная шишка, улыбался половиной рта и не то скулил, не то хихикал, вызывая настоящую панику среди мальчишни. Ева цеплялась за полу его рубахи, напуганная и вдохновленная звуками, что издавал великан: мерещилось, будто где-то под повозкой живёт целая стая гиен, смеющихся над всем и вся, так, что даже синяки и шишки, оторванные конечности подвергались дружному осмеянию.

Указанный дом и вправду заслуживал того, чтобы его описать.

Он выглядел так, будто пытался оторваться от земли, оттолкнуться и взлететь, как большая саранча. Ему это почти удалось – несколько свай, как тонкие ноги насекомого, казалось, вот-вот дрогнут под весом здания, но сколько Ева ни пыталась уловить момент, этого не случилось, даже когда великан ступил на лестницу. Между сваями, будто гнездо какой-то огромной птицы, громоздилось собранное из половинок сосновых брёвен жилище с декоративными башенками и окнами, стилизованными под бойницы, с неумело, явно на скорую руку вырезанным флигелем, который величаво и надменно выслушивал приказания ветра. Ева от изумления даже поздоровалась с грандиозной конструкцией, в то время как Эдгар пришёл в буйный восторг, и даже, прежде чем постучать, обошёл дом кругом и заглянул под него, спугнув семейство мышей.

Над дверью и вокруг окон щеголевато притулились резные треугольные пластины, будто пухлые губы. Печная труба устроена в виде башенки, какую можно увидеть на замке какого-нибудь землевладельца, обращённый к гостям скат крыши был явно длиннее другого, и покрыт черепицей из обожжённой глины. Хотя всё сделано достаточно неуклюже и второпях, видно, с какой любовью и намёком на тщание. Эдгар, осматривая конструкцию, цокал языком и приговаривал:

– Смотри-ка – строитель этого места понимает божественный промысел.

– Почему это? – спросила Ева. – На храм не похоже. На монастырь тоже, наверное. Монастыри ведь не такие, правда?

Палец Эдгара упёрся в макушку девочки, как будто цирюльник хотел таким образом донести до неё свои идеи.

– Божественный промысел хитёр. Посмотрела бы ты хоть раз на устройство живых существ, пригляделась... да хоть к букашке. Эх, да что там!

Здешний двор также отличался от дворов соседних построек: никаких тебе заборов, воловых шкур, ползающих котят, крыс, звериного дерьма, треснувших чарок и вынесенных «подышать» бочек с сидром. А были выложенные камнями грядки с травами, расположенные так, чтобы днём какие-то были на солнце, а какие-то в тени дома и растущих здесь же моло-

деньких буков. Эдгар наклонился испробовать незнакомую травку на зуб: запах она имела резкий, такой, что хотелось чихать и расчёсывать лицо. Был здесь также засохший ствол какого-то очень странного деревца: кора очень светлая, а ветки, обращённые к небу, как будто ладони, имели добрую сотню пальцев. Кем бы ни был этот чужеземец, видно, он попытался привезти с родины небольшую её частичку. Да вот только не во власти человека смешивать миры: если человек такая тварь, что имеет власть идти, куда хочет и жить, хоть в язычниках, хоть добрым христианином, то природа и животный мир не таковы. Они уж куда честнее.

Ева, крихтя, подняла сумку с инструментами.

– Хочу с тобой. Буду тебе помогать.

Эдгар застыл. Он ожидал найти на пороге восседающего на мешке ангела, своего попутчика, которого встречал чаще, чем кого бы то ни было, но не ожидал удара в спину. На шее его напряглись и покраснели жилы, это было так неожиданно, что Ева почувствовала, как по телу с головы до пят прошла дрожь.

– Ты дитя, а не лекарь, – сказал Эдгар.

– Я тебе уже помогала, когда ты лечил дедушку.

– Это другое дело. Он был тебе родичем.

Ева сморщила нос, глядя, как Эдгар повернулся к ней, в задумчивости оттянул нижнюю губу и продемонстрировал белесые дёсны. Будто вид этих дёсен смог бы донести до неё, Евы, какие-то мысли.

– Дед даже не запомнил, как меня зовут, – сказала она, и топнула ногой, преодолевая внезапный свой испуг. – Нет уж, господин цирюльник! Он бы выгнал меня из дома, как только полностью поправился... Уже пытался так сделать, когда был здоров, но мама всегда за меня заступалась... я хочу научиться приносить людям добро.

– Это не добро, – сказал Эдгар, и в голосе его совершенно неожиданно прорезались нотки обиды. – Врачеватель оставляет умирающих людей грешить дальше грешной земле. Разве это добро?

– За это время они могут сделать и что-нибудь хорошее! – закричала девочка, чувствуя, что ещё немного и её оставят здесь, снаружи, совсем одну. Это будет второе предательство, и если Ева какими-то шалостями настолько осточертела небесам, что те готовы тратить на неё одно предательство в день, то девочка, по крайней мере, готова была попытаться это оспорить.

Взвалив на себя сумку с эдгаровскими инструментами, она сделала несколько шагов и, крикнув, осела на землю. А потом копыта Господа и мокрый нос подошедшего поздороваться щенка остались где-то далеко внизу – Эдгар поднял перед собой и сумку, и девочку, ухватив её, как котёнка, за шкирку, и, непрерывно гримасничая, понёс на крыльцо. Сумку же взял под мышку.

К хозяину их проводила жена – тихая женщина с очень белой кожей и длинной косой, в которой, будто искусно вплетённые туда колоски конского хвоста, затерялись седые прядки. Ева, разглядывая женщину, подумала о ночных мотыльках, таких же тихих и белых. Шла она так, будто легко могла перейти с пола, скажем, на стену, а оттуда на потолок. Открыла дверь и сразу, даже не дослушав Эдгара, повернулась, чтобы уйти вглубь дома.

С хозяином они познакомились более обстоятельно. Звали его Ян, и у него, прежде всего, не было столь обожаемой многими в этих краях бороды, а была невразумительная щетина, кое-где склеенная засохшей слюной. Лицо длинное и плоское, в изгибах черт угадывалась лёгкая, неуловимая грусть, а на висках блестел пот, оставивший на ложе влажные пятна. Ева подумала, что это пришелец с далёких северных регионов, и тёплый климат, позволяющий с утра и до захода солнца играть на улице в лёгких одеждах, размягчает его тело, как солнце размягчает по весне снег. Однако Эдгар сказал позже, что это «типичный баск», что бы это не значило.

– Повезло, что вы здесь проезжали, – сказал Ян. Он сумел встать, чтобы поприветствовать пришедших, но после сразу опустился на кушетку. Одну руку он всё время придерживал

другой. Рукав рубашки отсутствовал, в районе подмышки надулся синюшный бугор. Ткани там блестели, будто их недавно смочили водой. На высоком, прямом лбу баска выступили бисеринки пота, поры и текстура кожи стали сквозь них особенно заметными. Ева с увлечением их разглядывала.

Эдгар выглядел так, как будто готов был сбежать через окно. Ян побледнел:

– Я совсем плох, да?

Ева взяла цирюльника за огромный палец, дёрнула что есть силы, как звонарь дёргает за верёвку колокола.

– Эдгар?

Что бы ни довлело над его душой, великан нашёл силы взять себя в руки.

– Нет... нет, о раненая зверюшка, выползающая из лесу на поживу жестокосердным людям. Гангрена не успела завладеть твоей плотью.

Руки проворно забегали по воспалённой коже, ощупывая плечо. Ян молчал и глядел на великана. Кажется, задумчивое выражение на его лице могло в любой момент смениться ужасом. Но не сменялось.

– Ты очень странен, баск, – признался Эдгар. – Тому, кто имеет дело со смертью, в каждом доме приходится сталкиваться с отвращением.

Лицо Яна перекосила ухмылка. Лицо у него подвижное, нервное, как будто под кожей у него живут змейки, в этом – заметила какой-то частью сознания Ева – между двумя мужчинами можно найти сходство.

– Нет, что ты, я не собираюсь помирать. Но нужно работать. Каждый день без работы я вынужден слушать, как урчат животы у жены и детей. Так что, если вы не возражаете, я не буду пугаться, а просто попрошу тебя сделать свою работу.

Он прибавил с поспешностью.

– Если, конечно, ты примешь в качестве платы мои скромные сбережения.

Эдгар выпрямился, едва не касаясь плоской макушкой потолка, покачал головой. Уголки губ его стремились вниз, костяшки пальцев непрерывно двигались. На шее пульсировала жилка. Вот теперь великана стоило пугаться. Работа его отнюдь не принадлежала к той, во время которой можно смеяться, пить хмельное пиво или распевать песни.

Ева внимательно наблюдала за ним ещё у себя дома. Прячась в комнате братьев, она смотрела, как болтается на петлях незакрытая дверь, как следы костоправа обозначают опавшие, отвалившиеся с подошв его сапог листья Бог знает с какой осени, как движутся локти цирюльника и как отливает краска от его ушей, делая их похожими на свиные. Интересно и пугающе, а ещё это странное чувство... как будто Эдгар одной лишь своей волей изменяет мир вокруг.

А теперь получила возможность рассмотреть метаморфозу, что называется, в лицо.

– Есть брага? – спросил у Яна Эдгар. – Хорошо, чтобы была крепкая. Смочишь рану – сразу меньше боли. Подкожные черви не переносят – умирают. А если выпьешь, будет ещё лучше.

Белая, точно призрак, жена кровельщика принесла бутылку браги. На этот раз Ева успела заметить испуганные глаза двух мальчуганов, младше её на пару лет. Оба они исчезли, стоило матери повернуться. Будто растворились в складках юбки.

Повинуясь жесту цирюльника, Ева сбежала и распахнула настежь дверь, а когда вернулась, всё уже было другим. Кровь оставила лицо Яна, как вода во время отлива, он смотрел то на краешек плеча костоправа, то в потолок, и непрерывно молился. Через окно потянуло сырым холодком, и в углу заколыхалась паутина. Мальчишки, что, совсем осмелев, игрались в телеге цирюльника, ретировались. Огромный травоядный комар кружил по комнате; один раз он задел щёку Евы, и та вскрикнула.

Эдгар успел разложить нужные инструменты – заточенные с разных концов, изогнутые под разными углами скальпели. Жестом показал жене баска: нужно принести что-то, чем можно промокнуть кровь, а когда получил желаемое, нетерпеливо погнал её прочь из комнаты.

– Больно будет? – спросил Ян, растеряв всю свою браваду, хотя уже на треть опустошил бутылку.

– Мастеру нельзя разговаривать, – шёпотом ответила ему Ева. Потянулась и взяла его за запястье, холодное и скользкое – если закрыть глаза, можно подумать, что держишь в руках жабу.

– А ты, вроде как, подмастерье? – спросил Ян. Глаза у него потускнели, речь стала невнятной.

– Лежи и не двигайся, – как могла сурово, одёрнула его девочка. – Когда-нибудь, может быть, я тоже смогу овладеть всеми этими инструментами, но тебе к этому времени лучше бы выздороветь.

И тут же, не удержавшись, сама задала вопрос:

– А откуда ты приехал?

Ян расхохотался. Ева подавила желание заткнуть уши кулачками – она никогда не видела человека со столь громким голосом.

– Я здесь родился. И отец родился. Вот прадед – тот приехал. Но в стране франков не так-то легко стать своим. Так что я таскаю свою родину за собой, – Ян ткнул пальцем в лоб. – Я даже, наверное, думаю, как южанин. Хотя никогда не видел других людей своего племени. Кроме собственного папаши, конечно.

– Ты работаешь здесь баском? – спросила Ева.

Усиленное брагой добродушие, которое, казалось, вот-вот польётся у Яна из ушей, и в котором, к слову, утонул страх, уступило место лёгкой задумчивости.

– Смотря с какой стороны смотреть... да, я, конечно, здесь на важной службе – службе объекта для насмешек, человека, к которому местные жители учат своих детей относиться с подозрительностью. Во всяком случае, все таковым меня считают. А по призванию якровельщик. Помогаю людям занять крышу над головой.

Эдгар, звякая инструментами, глупо улыбался, так, будто смысл тирады франка оставался для него загадкой. Ева, однако, всё поняла.

– Будь уверен, – сказала она строгим тоном, – что изнутри ты устроен не лучше и не хуже, чем все остальные.

Ян скосил глаза на железо, которое Эдгар, для удобства, раскладывал прямо на кушетке, под боком у пациента.

– Только это меня и утешает.

Напугав всех, в стену дома ударились какая-то птаха, растерянно чирикающая, улетела прочь.

Эдгар действовал почти так же, как минувшим вечером. Только в этот раз перелома не было, и он ограничился тем, что выпустил дурную кровь, избавился от отмерших тканей, выскребая их специальной кареткой на расстеленную на полу тряпку. Капли чёрной крови, тягучей, как смола, ударялись в неё с громким стуком. Ян утратил власть над телом – его сотрясала крупная дрожь, а когда лезвие скальпеля начало взрезать ткани и кровь полилась ручьём, мужчина засипел и начал вырываться, так что Эдгару пришлось пригвоздить его к лежанке ладонью. Для великана удержать щуплого баска не составляло труда.

Костоправ привлёк внимание Евы, показав на разрезанное плечо – туда, куда девочка смотреть избегала. На этот раз она посмотрела и с изумлением обнаружила, что открывшаяся картина не вызывает у неё какого-то особенного отвращения. Мясо розовое, с белесыми краями, а под ними что-то, похожее на пучки толстых тёмно-красных волокон. Что-то подобное видишь, когда срываешь стебель, например, подорожника. Нет, даже очень похожее. Ева подалась вперёд, опираясь обеими руками о койку Яна и стараясь дышать ртом – запах был

отвратителен. В глубине раны, там, где была плотная масса этих волокон, ей показалось, проглядывает кость. Как же интересно устроено всё на свете! Она делала кукол, и, стараясь придать внешности как можно большее сходство с человеком, даже не задумывалась о внутренностях. А между тем, этот скрытый под кожей мир гораздо интереснее, чем то, что снаружи. Всё оставшееся время она наблюдала за пульсацией какого-то капилляра, из которого по капельке стекала кровь, а потом отодвинулась, давая великану место.

Эдгар взял специальным образом обработанную рыбку кость, что служила ему иглой, вытащил катушку каких-то тонких и прочных ниток. Глаза пациента были затуманены алкоголем, но сопровождали каждое движение костоправа.

– Уже почти всё, – прошептала девочка, обтерев вокруг раны кровь. Не по велению цирюльника – просто ей показалось, что так надо. Эдгар должен видеть, куда втыкает иглу.

На миг почудилось, что время вокруг них замерло. Этот миг тянулся и тянулся, поэтому когда Ян закончил свой бесконечно долгий вдох, девочка тоже вздохнула с облегчением.

Губы великана шевельнулись, и это движение напомнило Еве движение падающего дерева, которое сметает, разрывает в клочья сонную, бархатную тишину бора. Она ни разу не была тому свидетелем, но много раз представляла, как лесной гигант, будучи уже стариком, устаёт подпирать небеса, устаёт соревноваться с горами. Гонка сезонов изнуряет его, расшатывает, как больной зуб, и вот, наконец, вместе с листьями и семенами, целый пласт древесины медленно, величаво отправляется на встречу с землёй. Гуляя по лесу, Ева то и дело вертела головой, пытаясь поймать самый начальный миг этого падения, когда дерево решает, что оно не может больше противостоять ветрам, но всё, что она видела – разлагающиеся стволы, которые в лежачем положении уже не первый год.

– Рука твоя будет похожа на змею какое-то время, – звучал пронизывающий голос Эдгара, прогоняя туман из глаз пациента. – Но ты не забывай, что она всё-таки рука.

Ян стонал через плотно сжатые зубы. Ева дала ему допить бутылку до конца, взяв её двумя руками и аккуратно приложив к губам, после чего они собрали инструменты и молча покинули дом через открытую дверь. Мир показался девочке чересчур ярким. Она была уверена – даже когда появилась из утробы матери, он не был таким. Насекомые с оглушительным звоном носились вокруг, где-то монотонно – «стук, стук» – рубили дрова. Близился вечер.

Не говоря ни слова, Эдгар запряг осла в телегу и повёл его под уздцы по дороге, которую указал ему чернобородый.

– В нашей деревне у тебя ведь был только один пациент? – спросила Ева. Она шла следом, на каждый шаг великана приходилось четыре её быстрых шага. – Мой дедушка?

– Да, – коротко ответил Эдгар. Кажется, он приходил в себя.

– И здесь – всего один, – вслух рассуждала Ева. – Люди что, так редко болеют?

– Один пациент – хорошо, – сказал Эдгар. – Таким как я место в помойной яме, а не на глазах потомков Ноевых. Все так говорят, и я знаю, что истина есть то. К нам обращаются, только когда всё становится совсем худо. Если бы я заболел, я бы сам к себе ни за что не обратился.

– А что бы делал?

– Молился. Будь я всеми, все непременно просили бы Господа о прощении, – Эдгар продемонстрировал девочке одну из своих фирменных гримас. – Я лечу тело только потому лишь, что не умею лечить душу.

Глава 3

Хвоя скрадывала любые звуки, делала их мягче – пушистыми, как облака. Путники почти не заметили, как кончилось человеческое поселение и начались заросли папоротника. Они покачивали резными листьями, будто звали свернуть с тропы, подманивали звоном ручейка и крупными чёрными бабочками, которых так хотелось рассмотреть поближе. Эдгар был невозмутимым, как гора. Он не оборачивался, не слез, чтобы отыскать воду и вымыть руки, и не уделил внимания даже детям, бегущим за повозкой. Они где-то прослышали, как девочка называла своего спутника, и теперь в спину им несло издевательское «Эдгар!», «Эдга-ар!», выкрикиваемое на разные голоса и лады, и даже в комарином звоне Еве чудились повторяемые их имена.

Быстро темнело. Ритуал, в который великан превращал врачевание, как будто отворял двери ночи, распускал удавку на шее, и странный её голосок Ева теперь различала, даже запрокидывая голову, чтобы послушать, как шумят верхушки сосен. Великан сказал, что до темноты они успеют ещё найти пристанище и поужинать, но Ева ему не поверила. Казалось, стоит закрыть и открыть глаза – попросту говоря, один раз моргнуть – чтобы ночь содрала с окружающего мира последние краски.

Тракт здесь действительно был. Отличная, мощёная камнем, широкая дорога. Может, недостаточно хорошая, чтобы по ней могло пройти войско, но для торговых дел – в самый раз. Столетия пробивались сквозь камни пучками жёлтой травы. В лихие времена, когда колосс старой империи рухнул окончательно и бесповоротно, а дикие и пока ещё многочисленные племена втягивали головы в плечи и зажимали ладонями уши, чтобы не слышать грохота, из шкуры этой гигантской змеи понадёргали чешуек. Но позже заботливо восстановили. Хорошая дорога на руку всем, хотя никто так и не взялся повторить подвиг римлян и сделать что-то подобное. Сейчас, спустя века, можно с уверенностью сказать, что главное римское чудо не сам Рим или Константинополь, ни его курии или акведуки, ни следы битв и завоеваний, истлевающие на полях сражений черепки, а эта вездесущая паутина, до сих пор разносящая по всему свету вести о павшей империи.

Перекусить путники остановились на краю тракта, не пройдя и четверти лиги от туманной деревеньки – ни Ева, ни Эдгар не смогли вспомнить её название, после того, как выехали на тракт: оно, будто бы, рассосалось, расплзлось белесыми клочками-слизнями по тёмным уголкам в головах.

У девочки был припасён кулёк с орехами и пара липких лепёшек. Она старалась не думать о том, как быстро кончается еда, но не могла об этом не беспокоиться. Чем питается этот здоровяк? Уж не маленькими ли девочками? Может, как в старинных сказках, великан не прогоняет её, потому что ждёт, когда тощие бока накопят немного жира, чтобы положить в рот и с аппетитом прожевать. Ева уже видела, с каким аппетитом он поглощал сырые грибы и какие-то одному ему известные корешки, едва отряхивая их от земли.

Великан оттер руки травой, потом более тщательно вытер их о полы котты, прибавив к уже имеющимся бурым пятнам несколько новых. Шляпу он оставил лежать на козлах, обнажив потную верхушку головы (назвать её макушкой не поворачивался язык), пятна и шрамы на которой стали заметнее. Освобождённый от пут Господь бродил неподалёку, срывая самые яркие цветы, а Эдгар тем временем тоже принялся за еду. Еве казалось, она видит, как зубы его увеличиваются в размерах, будто бы даже мешая друг другу, начинают лезть в разные стороны. Нет, это совершенно точно зубы хищника. Существо с такими зубами не может довольствоваться одной растительностью да грибами... Ногти на пальцах, под которыми остались полоски крови, принадлежащей не то баску, не то ещё её деду, становились всё крупнее, будто панцири жуков-носорогов, а сами пальцы напоминали лапы хищных птиц. Весь он расплзался, рас-

падался на части, будто становился воплощением дикой природы, сонма различных существ, которые чудом оказались в одном теле. Хищной её части, конечно.

– Не смотри на меня так! Я не съедобен и потроха мои оставь при мне, – сказал цирюльник, прокричал голосом какой-то птицы. Ева уронила взгляд – она даже не заметила, когда крохотные в сравнении со всем остальным, утопленные в череп глаза стали за ней наблюдать.

– У тебя все руки в крови.

– То есть признак моего ремесла и моего проклятья. Сходи-ка лучше за водой, да спрячь свои глазки за пазуху. Вон с той стороны тѣк ручей.

У Эдгара в повозке были шитые из воловьей кожи мехи для воды, числом три штуки. Они булькали, когда ослик преодолевал очередной холм, иногда смешно, иногда томно, будто бы и не булькали, а вздыхали, словно вспоминая резвую стрелу реки, откуда их забрали, и бескрайние водоёмы, которых им никогда уже не достичь. К тому времени, как Эдгар подобрал себе спутницу, два из них уже опустели, и маленькой девочке было едва под силу поднять даже пустой. Впрочем, в тот момент она об этом даже не подумала. Она размышляла только о том, что из себя всё-таки представляет это странное существо – Эдгар, а великан думал о том же в отношении Евы.

– И что, теперь ты смоешь её только кровью другого бедняги?

– Чѣрты с тобой и демоны степных оврагов! – воскликнул Эдгар и тут же торопливо, боязливо перекрестился. – Сам схожу.

Наполнив ёмкости водой и отправившись вслед за тем опорожнить мочевой пузырь, Эдгар набрѣл на дохлого енота и позвал Еву. Девочка склонилась над тельцем, ковыряясь в носу.

– А отчего он умер?

– Видишь эти следы? – Эдгар показал отметины на шее зверька. – Его задушили собаки.

– У нас в деревне собаки тоже гоняют енотов и лис – задумчиво сказала Ева. – Когда я была совсем малышкой, я думала, что у них такая игра. Одни крадут яйца и цыплят, другие пытаются их поймать. Ещё я думала, что еноты по ночам жуют лица людей и от этого люди становятся старыми. Думала, лицо бабушки пожевали еноты. А потом с собаками меняются ролями. Еноты примеряют шкуры собак, а собаки – енотовы. Не вечно же одним гоняться за другими, правда?

Эдгар покачал головой.

– Ты всё больше изумляешь меня, крошка-зверѣк. Да. Как будто борода, которая растѣт задом наперѣд. Пойдѣм, я покажу тебе, что живѣт внутри зверей.

Эдгар положил тельце на сгиб локтя и понѣс его к повозке. Заинтригованная, Ева побежала следом: на один шаг Эдгара пригодилось четыре её шага, или два больших прыжка. Правда, чтобы прыгать в таком платье, приходится задрать его до колен.

Великан положил тушку на край повозки животом вверх, пододвинул к себе сумку с инструментами. Тускло сверкнул в солнечных лучах скальпель, и Эдгар под тихое «ой» девочки сделал надрез на белом животе зверька. Стѣр листком лопуха кровь, пальцами подвернул кожу, и лезвие скальпеля продолжило движение. Повозка качнулась – Ева забралась на неё с другой стороны, на четвереньках подползла ближе.

– Сие зовѣтся «толстая кишка», – сказал костоправ, раздвинув пальцами плоть, – то – «сердечной мышцей» называли древние. Вот здесь, между рѣбрами – лёгочные мешки.

– А для чего это всё?

Ева сморщила нос – мясной запах, наконец, достиг её ноздрей.

– В этих скользких штуках сосредотачивается божья искра. Любая живая тварь может двигаться и дышать, если есть эта искра.

– Такая, как в лампе?

– В лампе не живое, не-ет! – Эдгар посмотрел на Еву со странным торжеством, которое, затем, сменилось задумчивостью. – Хотя отчасти ты права, улитка на ежевичине, всё на свете есть творчество Господа.

– Нашего ослика?

Он уставил палец в небо так внезапно, что Ева подпрыгнула на месте.

– Того Господа! А теперь смотри, куда ведёт моя мысль. Если бы звери были полые внутри или заполнены мясом, они бы не смогли существовать. У нас внутри то же самое, и различается только размерами. Искра помещается вот здесь, в печени. Сердце нужно лишь для того, чтобы гонять кровь. В лёгочные мешки попадает воздух, когда зверь дышит...

– А зачем нужна кровь?

– Затем же, зачем водяной мельнице нужна река.

– А она зачем?

Эдгар рассмеялся, потёр ладони. Видно, что его увлекал этот разговор. Ева тем временем продолжала:

– Я думала, что на водяных мельницах ускоряют движение воды. Ну, чтобы она быстрее дотекала туда, где люди живут рядом с пустынями, а ещё до больших городов. Я ни одной не видела, но брат рассказывал, что работники там запрягают в мельничное колесо самых больших рыбин, которых только смогут поймать. На мордах у них уздечки из водорослей...

– Глаза человека-цирюльника видели множество мельниц, – авторитетно заявил Эдгар. – Нет, маленький воробышек, всё не так.

Он ткнул пальцем в развороченное пузо зверька.

– Кровь своим напором заставляет двигаться суставы. Если снять кожу, видимо станет, что все суставы перетянуты верёвками. С этими верёвками и связаны артерии, по которым бежит кровь... её поток настолько силён, что все на свете реки кажутся болотами. Также, и сие писал один греческий философ именем Гиппакрат, она переносит жизненные соки. Ты хоть раз видела что-нибудь подобное?

Девочка хмыкнула.

– Я видела всё это, когда отец потрошил поросят. Потроха он отдавал обратно свиньям. Наверное, им нравится на вкус божья искра.

Скальпель в руке Эдгара дрогнул.

– Свиньи – животные, которые живут в грязи, – сказал он.

– Пусть и в грязи, но, они довольно милые, – сказала Ева. – Эта, как ты говоришь, искра, наверное, погасает. Или улетает в рай. Иначе мы бы сейчас увидели, как она светит.

– Слишком яркое солнце, – скулы Эдгара топорчились, придавая его лицу схожесть с грозовой тучей. – Ты сомневаешься в замысле Божьем?

Он накрыл ладонями тушку. Нагнулся и заглянул в щель там, где смыкались ладони. – Светит. Посмотри сама!

Ослик шлёпнул губами, и это отвлекло Еву и Эдгара от спора – как раз вовремя, чтобы увидеть, как качнулись кусты. Эдгар вскрикнул – тонко, пронзительно, словно мышшь, чей хвост пригвоздила к земле кошачья лапа.

– Это какой-то мальчишка, – сказала Ева. – Их тут несколько – следят за нами. Все мальчишки любопытные, как щенята.

– Они глядели? Сколько? Что видели?

– С тех пор, как мы приехали. А что?

– Енота – видели или нет?

– Конечно. А что тут такого?

– Может, и ничего, – пробормотал Эдгар. – Но лучше побережься. Сохрани и спаси, сохрани и... нужно бежать нам.

Он вытащил тряпицу, всю в бурых пятнах, будто оленья шкура – видно, что ей вытирали не пот – завернул туда тушку и убрал подальше с глаз. Осёл был недоволен, что его оторвали от чертополоха, но, видимо почуяв в лесной чаще что-то вкусное, весело припустил по дороге, помахивая ушами. «Шлёп-шлёп-шлёп» – звучали копыта по влажной листве, и Ева начала прихлопывать в такт по коленкам. До тех пор, пока шлёпающих звуков не стало слишком много, и девочка окончательно запуталась, какие из них принадлежат ослу.

А потом их окликнули и приказали остановиться.

Восемь человек, шестеро лошадей, всегда ленивых и всегда мечтающих откосить от работы деревенских кляч, что не привыкли ездить под седлом. Тем более в большой компании себе подобных. Так что теперь они с подозрением косили глазами и раз за разом норовили столкнуться крупами или поймать губами соседский хвост.

Ева узнала бородача, который первым встретился им в посёлке, узнала также и похожего на блоху священника. Остальные были незнакомы. Все они – мужчины, жители деревни, которую цирюльник с Евой только что покинули, – неприязно их разглядывали. Кто-то здесь был родителем мальчишкам, которые, кстати, как раз подросли, и наблюдали с безопасного отдаления. Эдгар смотрел на пришельцев идеально круглыми глазами и, похоже, никого не узнавал.

– Эй, святой отец, – сказал бородач, указывая орлиным носом на цирюльника. – Это тот самый?

Он больше не излучал добродушия. Курчавая борода, казалось, сильнее завивалась от гнева.

Священник, который сидел на лошади позади какого-то боевого вида юнца, совсем ещё мальчишки, быстро, по-голубиному, покивал.

– Эй, человек! – взвился чернородый. – Слезай-ка со своей развалюхи. Нужно нам кое-что прояснить. Люди говорят, что ты здесь занимался чёрной магией. Это так?

– Мои руки в крови, но кровь та появилась от доброй работы, – ответил Эдгар, его голос от волнения сделался необычайно высоким. Кажется, собственные же слова о том, как неудобна эта работа Небесам, начисто вылетели у него из головы. – Спросите человека по имени Ян. Живёт в доме, что похож на саранчу или на рогатую жабу...

Мужчина смачно сплюнул.

– Я знаю, где живёт Ян. Знаю, что ты, незнакомец, проводил у него некую мессу.

– Всего лишь акт врачевания. Рана его была очень плоха, чёрная желчь и гной, того и гляди, проникли бы в кровь...

– Почему же, в таком случае, ты не взял у него денег?

– Я...

Голос Эдгара совершенно перестал соответствовать внешности; собравшиеся с недоумением смотрели, как изо рта великана, из которого, судя по внешнему виду этого страшного человека, должны вылетать камни, вылетали синицы. Во взгляде чернородого роились подозрения.

– Он ни у кого не берёт денег, – громко сказала Ева.

– А ты кто такая? – неприязно спросил мужчина. Но тон его перестал напоминать пса с вздыбленным загривком.

– Путешествую с этим человеком до ближайшего монастыря, – сказала Ева, трогая пальчиками ладони и ощущая, как по ним струится пот. Голос, однако, не напоминал чирикание синицы, хотя – чувствовала она – ещё немного, и в груди заведётся жалкое, противное хныканье. Ева пока не очень понимала, что хотят эти люди от великана, но они были похожи на стаю псов, сгрудившихся перед самым робким на свете львом. – Его зовут Эдгар. А вот этого ослика – Господь. Я знакома с ними уже больше одного дня (хотя, как зовут ослика, узнала только сейчас). Они самые хорошие люди... Точнее, он – самый хороший человек из всех, что я знала. Уж точно лучше моих родителей.

- Ему что же, не нужна еда? – спросил обладатель бороды.
Кто-то из его спутников храбро выкрикнул:
– Смотрите, какой здоровяк... половина пороса на ужин?
– Или пара курей? – присоединился третий, горбатый доходяга с блестящей, как змеиное пузо, кожей и... да-да, жидкой бородкой.
Эдгар молчал, хватая ртом воздух, а Ева озадаченно ответила:
– У нас есть еда. В лесу её полно.
– Только чернокнижник и колдун станут работать без оплаты за свой труд!
– Он знает «Богородицу» так, как никто из вас, олухов, в жизни не выучит, – пробормотал священник достаточно громко, чтобы его услышали.
Лоб чернородого прорезала складка.
– Что-то там в твоём писании об этом говорилось. Вроде, что придёт какой-то там противохрист, и не то устроит дебош, не то выучит все молитвы наизусть. Разве не так?
– Не так, – подбородок священника стал ну точь-в-точь как ледяной кубик. Еве казалось странным, что он защищает чужеземца, да к тому же без бороды. Но по взгляду, похожему на хлесткий удар хлыста, поговору было видно: священник – порядочный человек. – Ты взял бы, освоил грамоту, да прочитал сам.
– Мы, наверное, поедем, – негромко сказала Ева.
– А с этим Яном мы ещё поговорим, – сказал чернородый. – Всегда знал, что эти жаборылые не просто так обустроиваются на нашей земле. Пройдёт время, и сюда нагрянет их армия.
Эдгар сглотнул и извлёк из своего истончившегося голоса максимум громкости:
– Я буду в печали, если мой труд пропадёт даром.
– Тебя никто не спрашивал, – сказал чернородый – Ребятки сказали, что вы здесь резали лесную зверушку и ели сырое мясо.
Ева задохнулась от возмущения.
– Мы не едим мёртвых зверушек. До сих пор мы ели только то, что собрала мне в дорогу мама... как-то: пшеничные лепёшки, орехи, вяленое мясо... Мы что же, похожи на тигров или грифонов, чтобы есть сырых зверушек? Похожи на вурдалаков или минотавра греческого?
Ева спрыгнула с повозки, и все всадники, как зачарованные, уставились на неё – так, будто их привязали за носы к руке девчушки. Мужчины переглядывались и, видно, ощущали себя стаей добродушных деревенских псов перед сумасшедшей лисицей.
– Да что ты на меня смотришь? – кричала Ева на чернородого, и слюна пузырилась на её губах, почти как у одержимой бесом. – Да чтоб у тебя, господин, каждый день был на ужин мёртвый енот!
– Дети – символ царствия Божьего, – пробормотал священник.
– Ага, значит это был енот, – удовлетворённо, хотя и слегка обескуражено заметил кто-то.
Ева оглянулась на Эдгара; тот сидел, понурился плечи, и странно, крупно вздрагивал. В груди его что-то клокотало, будто там завёлся целый выводок сороконожек.
– Мы пытались понять, что с ним случилось, – сказала Ева. – Он бежал и вдруг упал, как будто мёртвый. Мы думали, может, ему можно чем-нибудь помочь? Может, у него отказали лапки?
Бородач хмурился. Кто-то из его спутников, помоложе, с интересом спросил:
– И как? Помогли?
– Нет, – Ева выпятила нижнюю губу, из-под насуспенных бровей разглядывая всадников. – У него не оказалось денег, чтобы заплатить.
Всадники расхохотались. Чернородый, выпятив губы, дул в свою бороду, пытаясь удержать себя то ли от ухмылки, то ли от гримасы ярости. Этот смех внёс окончательный разлад в отношения между собой их лошадей, которые теперь сталкивались грудью и боками, кое-

кто даже отчаянно лягался. Всадники, всё так же хохоча, поджимали под себя ноги, пытаюсь уберечь их от незавидной судьбы быть раздавленными. Ослик повернул назад уши, похожие на два дупла в стволе старого дерева.

– Езжайте, – крикнул священник, пытаюсь удержаться на крупе лошади и держась обеими руками за луку седла. – Езжайте, ради бога! Если кто-то из этих холуев сломает себе ногу, мы вас нагоним!

Никто, однако, не стал их преследовать. Оглядываясь, девочка видела пустой тракт, который пересекали за их спиной птицы. Эдгар не оборачивался, плечи всё так же напоминали подтаивающие комки снега.

Повинуясь порыву, зародившемуся, следуя какой-то нечаянной алхимии, из чаши обиды, щепотки злости, полгорсти облегчения, какое бывает, когда чувствуешь, что должно было случиться что-то ужасное, но чудом тебя миновало, она встала во весь рост, придерживаясь за стенки повозки, и, запрокинув голову, закричала:

– Теперь мы будем брать плату с каждого, кому будем помогать! Слышите? Будь он богат или беден, в урожайный год или в голодный. Будем брать едой, смешными кругляшиками, которые все называют деньгами – чем угодно, лишь бы, чтобы платили. У вашего странствующего великана теперь появилась жадность, и жадность эта – я!

Ответом стал скрип раскачивающихся стволов – когда стоишь вот так и смотришь, кажется, что кроны там, наверху, играют в какую-то подвижную детскую игру, и пробуждалось в груди странное, тягучее ожидание, ожидание чудес. Потом опускаешь взгляд и видишь, что стволы их неподвижны и всё кажется размеренным и вязким. Ослик фыркнул и нагнул голову так резко, что подпруга затрещала и натянулась. Шерсть его на загривке многозначительно стояла торчком. Он перебирал ногами медленнее, чем обычно, как будто страх хозяина и обида Евы проделали в его брюхе дыру, откуда все силы и весь задор безвозвратно пропали на дороге. Великан даже не пытался его подгонять.

Эдгар снова косился на девочку с испугом. Такой бывает у ребёнка, когда любимый щенок кусает его за палец. Взгляд казался девочке изумрудно-зелёной ящеркой, что пряталась под камнями, в расселинах древесных стволов, среди многочисленных хитрых пожитков в густой, как будто разбавленной чернилами, тени. Кажется, великан с удовольствием ссадил бы её где-нибудь в чаще, но, как это часто бывает с детьми, боящимися прикоснуться к крупному жуку с усиками, с гладким чёрным панцирем и головой с устрашающими челюстями, только и мог, что ёрзать на козлах и трогать себя за локти.

– Почему ты не осталась до утра? – неприятно спросил он спустя некоторое время. – Тебя бы взяли обратно.

– Наверное, взяли бы, – ответила Ева. Она игралась с двумя желудями, сталкивая их и наблюдая, как они катаются по повозке. – Я пережила эту твою дурацкую ночь. И как ты думаешь, как бы я могла общаться с теми, кто смотрел на ночь только из окна? Только из окна видел эту темноту?

Эдгар долго смотрел, на его лице проступал ужас.

– Ты маленький, несуразный зверёк, о пяти лапках и шерсти трёх цветов. Нельзя так беспечно говорить о ночи! Она не простая. О ней... о ней вообще нельзя говорить. Может случиться непоправимое. Мы с тобой однажды можем не встретить рассвет.

– Не бойся, – Ева оставила жёлуди, коснулась указательного пальца костоправа. – Я знаю о ночи всё. Ты сам мне показал. Я знаю, что можно, а что нельзя. Знаю, что разговаривать с ней надо вежливо.

Он дёрнулся, как муха, запутавшаяся в паутине, и Еве показалось вдруг, что под его белой кожей – полость, где перекачиваются камни, огромные валуны, каждый из которых каким-то непостижимым образом больше неё. Великан великаном, но сколько же Ев в нём поместится, если мереть с ног до самой головы? Полторы? Восемь? Десять?

«Внутри него целая страна, – решила для себя девочка. – Волшебная страна. И поэтому там умещаются камни. А населяют её... должно быть, пугливые лани и прыткие лососи с белесо-красноватым брюхом».

Погода незаметно поменялась. Повозка текла через непрерывно капающий дождь. Нельзя было спустить ноги с тем, чтобы не обновить старую, засохшую грязь свежей. Сандалии Ева сняла и забросила в кузов, чтобы не портить – босиком приятнее и привычнее. Можно ощущать влажную поверхность дерева, а пальцами – щели и проточенные жуками-точильщиками бороздки, и представлять, что ты стоишь кверху тормашками, вовсе не в повозке, а на стремительно бегущем к горизонту облаке.

Тракт оказался достаточно старым. Корни, как земляные черви, возвращенные дождём, что идёт от начала времён, корчась, выползали на дорогу. Глядя на покачивающийся впереди круп ослика, Ева ожидала с каждой секундой, что эти корни схватят его за задние ноги, и вздрагивала, когда особенно крупная капля ударяла её по макушке.

Кожа покрылась мурашками, а потом обросла коричневой шкурой, похожей на кожу какого-то земноводного. Тепло мало-помалу окутало тело, и девочка стала представлять, будто какой-то змий поглотил её, оставив торчать наружу только лицо, и теперь медленно переваривает. От таких мыслей стало немного не по себе, но, во всяком случае, не холодно и не влажно. Тем более что в этой змеиной коже можно опознать одеяло тёмной шерсти, что неопытной грудой лежало в глубине повозки. Откуда оно взялось на плечах, Ева не имела ни малейшего понятия. Эдгар не шевелился, позволяя дождевым каплям неспешно, как им заблагорассудится, сползать по щекам и переносице. По всему видно, что штука эта сама захотела сохранить в тощем детском теле тепло. Ева горячо про себя поблагодарила неведомого покровителя.

Вокруг один лишь лес. Тракт крался, будто вор, бряцая плащом из сломанных колёс, валяющейся в канаве рваной сбруей, отвалившимися подковами. Где-то там, под ними, быть может, спят чьи-то кости.

Вороны скакали по веткам вязов, роняя на головы проезжающих целые водопады капель. Ещё немного, и эти чёрные птицы окончательно сольются с небесами.

– Куда он ведёт? – спросила Ева, имея ввиду тракт.

– В Рим, – коротко ответил Эдгар.

– Мы туда попадём?

– Может, мы едем в противоположную сторону.

– Как же нам узнать, куда мы едем? – спросила Ева.

– Незнамо. Просто ехать, и всё. Человек-цирюльник ехал по разным трактам в разных направлениях, и ни разу не достиг Рима. Может, его и не существует.

Древний величественный город сейчас совершенно точно существовал – Ева видела его своим особенным внутренним зрением, которым привыкла рассматривать сказки. Она видела улицы, по которым бродили львы и ещё какие-то звери, звери о хрупких ногах и с длинными шеями, видела созревающие финики на деревьях, и как солнце кладёт свои поцелуи на брусчатку. Солнце такое яркое, что в тени от вещей и живых существ, казалось, можно вымазать палец. Дома больше похожи на кусок сыра, чем на крепости: они без стёкол или ставень, без дверей, у иных вместо крыши настил из пальмовых ветвей. Людей Ева не видела, но они пригодились бы сейчас меньше всего: хочется прогуляться по такому, пустынному Риму, выпавшему из жизни общества человеческого, оброненного, как римский же денье, в дорожную пыль.

– Он существует! – сказала Ева, утерев рукавом текущие сопли. – Ты не достиг его потому, что в него не веришь. Попробуй зажмуриться и представить... солнце там... львы...

– Ни разу не видел львов, – по-прежнему меланхолично произнёс Эдгар. Он косился на Еву с каким-то поскучевшим испугом, как запертый в клетке голубь косится на кота. – Темнеет.

– В это время мы с братьями уже по кроватям, – удивлённо сказала Ева, заглядывая в реальный мир через окно одного из своих нагретых солнцем зданий.

Они остановились на ночлег, съехав к обочине тракта. Эдгар сказал, что нужно уехать глубже в лес, укрыться в листве и там заночевать, но ослик встал под кустом жимолости и не пожелал больше никуда двигаться. Пришлось освободить его от пут. Заканчивался самый длинный день в жизни маленькой девочки – не помнила она ещё ни одного дня, когда хотелось бы заново распробовать каждый кусочек, не глотать его, так, как глотала она, а разжевать и покатавать на языке. Было холодно и непривычно весь день без крыши над головой, каждую минуту этого дня казалось, что вот-вот случится что-то страшное, и только сейчас Ева внезапно поняла, что всё самое страшное уже случилось.

Эдгар, напротив, начал немного отходить от потрясения. Первым делом он распряг осла, потом с наслаждением потянулся, хрустя своими великанскими суставами. День давно уже клевал носом, веки его медленно опускались. В воздухе разлито молоко, и Ева пыталась им напиться, широко открывая рот.

Ехать весь день в повозке оказалось не так-то просто. Отсиженный, отбитый на кочках копчик ныл, губы потрескались от редких, но болезненных взглядов солнца и шершавых пальцев ветра. В голове остался какой-то ритм, что сопровождал их повозку на протяжении всего пути, и сколько ей не трясло, избавиться от него не получится. Ева задремала, положив под голову ладони, но её почти сразу разбудил звук выволакиваемых мешков.

– Не время спать, – тихо и торжественно сказал великан, и Ева увидела у него на руках знакомый кулёк. Он уже ощутимо пахивал. – Сейчас ты увидишь божью искру.

Он положил енота на край повозки, откинул край тряпицы, сказал:

– Смотри.

– Я ничего не вижу.

Ева почти смогла увидеть свой первый за сегодня сон, и какой-то дохлый енот – плохая ему замена.

Там, где путники встали на ночлег, нависал огромный дуб. Подошвами ног чувствовались покатые бока желудей, по стволу его бродили жуки-олени, которые ещё несколько лет назад вызвали у Евы живой интерес. Но самое главное – под этим дубом жила жирная тень, похожая на кисточку из беличьего хвоста, с которого стекала чернильная краска и капли дождя, который сюда почти не проникал. Великан перенёс свёрток с тельцем зверька в эту тень и велел Еве смотреть внимательнее (от нетерпения он даже притопывал ногами), и на этот раз она увидела, как тушка зверька слабо светится. В его развороченном животе словно поселились светлячки. Вытянув шею, девочка подползла поближе. Внутренности успели почернеть, какие-то съёжились, какие-то, напротив, увеличились. Ева не смогла понять, что конкретно светится, но личинок светлячков там, в животе, точно не было.

– Это и есть то, что проповедники и молитвословы называют душой, – тихо сказал Эдгар, и тряпица, словно занавес в уличном театре, снова скрыла от девочки чарующую картину.

– Да, это очень... очень красиво, – сказала она. – И такой свет есть в животе каждого из нас?

– Без сомнения. Когда человек жив, его сложно увидеть. Почти невозможно... хотя и сложно оставаться живым с развёрстым животом... но когда умирает – другое дело. Душа копит силы, чтобы пережить в мешке ангела длительное путешествие в чистилище. Вытягивает из сосуда, в котором она пребывала, все оставшиеся там силы.

– И что с ней можно делать?

И тут же спросила, сама не зная для чего:

– Какая она на вкус?

В полутьме казалось, что лицо Эдгара складывается из дубовых листьев, которые непрерывно шевелились от ветра. Кажется, будто оно готово было рассыпаться не то от раздражения, не то от ужаса в любую секунду.

– Человеке не вправе ничего делать с душами. Можно прикоснуться к телу, можно менять тело, лечить, калечить, уничтожать и извращать, но касаться священного света никто не вправе. Аллилуйя волшебному свету! Аллилуйя Господу!

– Значит, с ней ничего нельзя делать?

– Наблюдать и восторгаться, – шёпотом произнёс Эдгар, лелея на руках свёрток. – Это великое чудо, видеть свечение души.

– Теперь ты его похоронишь? – спросила Ева.

– Ещё не время. Я уберу его обратно и стану молиться, чтобы Господь больше не навлек из-за такого маленького мёртвого зверёныша на нас свой гнев. Всё, что вышло из земли, обязательно вернётся в землю, но сначала нам с ним нужно поговорить. Я хочу поинтересоваться, не в обиду ли он за то, что я таким возмутительным образом вскрыл ему живот.

– Как у тебя это получится? – воскликнула Ева.

Великан вздрогнул, будто язык девочки, чересчур громко привыкший выражать эмоции, стал на доли секунды плёткой. Было уже совсем темно.

– Не сейчас, не сейчас, – забормотал он, пятясь. Мокрая трава и опрелые листья стонали под босыми пятками. За спиной великана слоновьей ногой высился в темноте древесный ствол. – Тише, тише, тише... Я пойду спать, маленький земляной червячок, туда, поближе к дереву. Прижмусь к этому брату, и буду спать прямо на земле, между корней.

– Я хочу пить! – сказала Ева в надежде, что Эдгар замедлит своё отступление, но тот продолжал пятиться, и скоро силуэт его слился с силуэтом дуба.

Великан не взял ни одеяла, ни тёплой одежды: он, видимо, и правда из камня. Ева расположилась на ночлег в повозке, под куцей крышей, на тюках с накопленным циркульником добром, соорудив из пропахшей долгими годами пользования одежды себе гнездо. Хотелось хныкать, и девочка крепко задумалась: когда стоит пустить в ход эту девчачью привычку? Пора уже, или будут ещё моменты, когда одиночество станет более невыносимым? Эти думы, навалившись на макушку, вмяли её в глубокий сон, такой непохожий на все остальные, что от испуга Ева не решилась ему сопротивляться.

На другой день установилась неожиданно хорошая погода. Дождь перестал. Древесные стволы танцевали вокруг солнечной короны, позволяя посланцам светила беспрепятственно бродить по лицу спящей Евы. Ей чудилось, будто она плывёт в лодке по бесконечному, залитому светом морю, что от воды поднимается жар. Дрёма развеялась, когда Эдгар загородил свет своей головой.

Великан обескуражено тёр лоб.

– Я надеялся, ты исчезнешь.

– Куда же я исчезну?

– Незнамо... просто исчезнешь. Станешь одним из дорожных приведений.

– Разве я похожа на приведение?

– Любой ребёнок похож.

Ева открыла и закрыла рот. Что значит – «любой ребёнок похож»? Загадка. Имел ли он ввиду, что дети такие же странные, как те таинственные существа, о существовании которых все знают, но мало кто может сказать, что видел их воочию? Как такое может быть? Дети шумные, они могут напугать, когда, забравшись на дерево, со смехом и визгами сваливаются тебе на голову. Призраки же пугают ожиданием своего появления, дурманящим чувством, что что-то вот-вот должно случиться, местами, в которых совершенно точно обитают, но при этом не торопятся показываться на глаза.

Ева знала всё о призраках. Могла, загибая пальцы, перечислить тех, кто обитал в окрестностях Волчьего хвоста. Бойся тех, кто живёт среди яркого полдня в пшенице. Это маленькие существа, карлики, которые выдают себя качанием колосьев, так, будто посреди поля вдруг появился, а потом исчез ветер. Бойся руин на окраине деревни, потому что они помнят хорошие времена и обижены на ведь мир за наступившие вдруг дурные. Бойся луж в отпечатках копыт, оставленных чёрным жеребцом (так, как местами сложно разгадать, конём какой масти оставлен след – стоит смотреть под ноги после любого мало-мальски заметного дождя), так как в них может утонуть даже взрослый человек. Бойся того, кто с наступлением сумерек заселяется в парильню у реки – он не любит, когда кто бы то ни было тревожит его покой. Бойся, когда снаружи туман, ибо дети и домашние животные, что рискнули отойти от своего обиталища в такое время, рискуют никогда не вернуться домой. Бойся того, кто в ясную ночь спускается с луны на верёвке и стучится к тебе в окно.

Духи и всяческая волшебная тварь, – знала Ева, – циркулируют в жизни поселян согласно своему, особенному календарю, тем не менее имеющему сношения с календарём, по которому проживают отпущенные им года обычные люди. И так они вращаются друг относительно друга, словно языческий механизм, иногда соприкасаясь, иногда расходясь непостижимо далеко. В день святой Схоластики, если случатся на этот день метели (как то обычно бывает), в пелене опускающегося с неба снега можно увидеть пляшущих и кружащихся в диковинных хороводах ледяных существ, которым в обычной жизни на земле не место. Завывая, кувыркаясь, взбивая на крышах домов пену соломы, они воспевают святую, разыгрывают сценки из её жизни и жизни святого Бенедикта, который приходился ей братом.

– Я набрал лесных орехов и земляники.

Когда Ева выползла из своего убежища, импровизированного гнезда, которое каким-то образом стало импровизированной норой, Эдгар как раз демонстрировал ослику свою добычу.

– Мама готовила на завтрак нам с братьями кашу, – сонно сказала она.

Великан только пожал плечами. Подол рубахи у него был полон всякой лесной снедью, а живот казался брюхом огромного насекомого, не то мотылька, не то гусеницы.

– Скоро будет дом для божьих людей... матерей Иисусовых... там тебя выучат читать и писать слова, и будут кормить тем, чем хочешь.

– Я не хочу так, – задумчиво сказала Ева. Она попыталась вспомнить, не оттолкнула ли чем-нибудь накануне вечером великана. От вязкой дрёмы никак не удавалось освободиться. Всё вокруг было нереальным и, казалось, могло рассыпаться всего лишь от громкого голоса. – Я хочу каши. Можно с орехами и земляникой. Значит, ты не умеешь её готовить?

Лицо Эдгара нервно задёргалось. От расспросов девочки его лицо, кажется, вот-вот готово было задымиться. Он откашлялся, после чего сказал:

– Довольствуюсь прахом земным и семенами. Не извращаю сути вещей.

Орехи по одному проваливались между пальцами костоправа и стучались о борт повозки.

– Я видела, как готовила мама. – Сказала Ева. Лицо просветлело, мыслями она витала где-то там, в светлых днях, когда еды было вдоволь, и на неё, Еву, никто не сердился. – Похлёбку. Каши. Пекла хлеб и поджаривала на вертеле мясо. А ещё – сушила рыбу. Я рвала травку для супа, давила ягоды... Правда, как пользоваться ножом, не знаю. Говорили, что я ещё малышка, чтобы что-то резать. У тебя есть нож?

– Очень плохой он. Нож не для битв.

– Для чего же ты его тогда используешь?

Вопрос поставил Эдгара в тупик.

– Мне дал его в награду один человек, за то, что я побрил ему половину лица. А за другую дал деревянные бусы. Но они уже рассыпались. У того человека был только нож, как ни старался, он не мог срубить свою бороду.

– Срезать.

– Там, в бороде, жили клопы да мыши. В ней постоянно кто-то копошился, а тот человек чесал и чесал подбородок... пытался почесать, но не мог даже его нащупать. Борода была, как лёд, но я разрезал её скальпелем. Долго резал, по волоску. Хотел взять топор, но, в конце концов, справился и так.

– У тебя же есть этот, другой нож! Которым ты режешь людей. Подай его мне! – Ева поддёрнула рукава. – Будем готовить похлёбку.

Эдгар запыхтел так, что закрыл Ева глаза, она могла представить усатого зверя, вроде выдры, только во много раз больше. К щеке великана пристал дубовый лист.

– Моим скальпелем нельзя, – сказал он. – Сам буду рубить для тебя, что скажешь, этим куском железа. Скальпель... он для таинства. Он должен работать с живой тканью, живая душа должна быть рядом. Как зуб хищника. Понимаешь?

Великан, наконец, расстался со своей ношей. Ссыпал всё в складки одеяла, ставшего сброшенной шкурой таинственного зверя по имени «Ева». Великан продемонстрировал девочке свой мизинец, поднеся его почти к её носу.

– Когда хищник находит жертву, клыками он чувствует чужую душу. Это то, что чувствую я этими пальцами. Хищник сжимает челюсти, завершая дело, но я – не хищник. Я делаю так, чтобы мой клык не задел души, не задел ничего важного, а только удалил осквернённую плоть.

– Значит, нельзя, – пробормотала Ева, немного ошеломлённая категоричностью великана. Он всё больше напоминал ей мышь в шкуре медведя, но когда голос его не дрожал, когда цирюльник твёрдо знал, какую щетину нужно сбрить, его было трудно узнать. – Тогда я разрешу тебе помогать мне, как я помогала маме. Не нужно сердиться и обижаться. Такие времена настали. А теперь скажи мне: у тебя есть геркулесовые хлопья?

– Никаких хлопьев у меня нет. Только полкаравая хлеба.

– Хлеб подойдёт. Нужно достать воды. Лучше тёплой.

– Воды в мехах полно. Да только костёр мы разводить сейчас не будем... – он переступил с ноги на ногу, вновь погружаясь в свою бесконечную нерешительность. – Послушай. Нам бы пора отправляться в дорогу. Другие земли ждут, понимаешь? Может, кому-то там нужны мои руки...

– Хорошо, можно и холодной, – Ева вскочила, удержала равновесие на покачнувшейся телеге. – Я мигом, Эдгар! Ты только налей мне в плошку воды, а я помну туда хлеб.

Всего несколько минут спустя они сидели на козлах, друг напротив друга, глядя на миску с невразумительной кашицей. Островками там громоздились тёртые (пальцами Эдгара) орехи, давленные ягоды, какие-то травы и корешки, которые великан набрал в лесу. У Эдгара была деревянная ложка, и Ева смотрела, как взмывает она от миски ко рту великана, как дрожат, уловив запах, белесые его ноздри.

Ложка опустела, и, как подстреленная птица, рухнула вниз, в рукотворное болото с земляничными пятнами. И, как и полагается птице со смертельным ранением, больше не поднялась. Эдгар смотрел на Еву со смешанным чувством, никак не решаясь сделать глоток.

Ева попробовала сама и, поморщившись, сплюнула. Ничего более отвратительного в своей жизни она не пробовала.

– Напоминает помои, которые дают свиньям... выплюнь это, милый мой Эдгар. Видно, чтобы быть как мама, нужно овладеть особенным волшебством. Уметь повелевать крошками – знать, на каком из древних языков командовать им идти в котелок. Знать Иисусову молитву о коврижках, и уметь определять, какая морковь пойдёт в суп, а какая годится только курам и кроликам...

Эдгар икнул. Каша, разбавленная слюной, вытекла у него из уголка рта.

– Иисусову молитву о коврижках?

Ева печально ткнула пальцем в кашу, проделав там кратер, который, кажется, даже не стремился затягиваться. Потом схватила миску, и, спрыгнув вниз, направилась к ослику, который поднял голову и наострил уши. Кажется, до этого он дремал, убаюканный неожиданным после дождливой ночи солнышком.

– На-ка, покушай. Тебе нужно подкрепиться перед дальней дорогой... смотри-ка, ест! Послушай, если ты кушаешь это, только чтобы не расстраивать меня, то можешь не есть. Я же знаю, что это невкусно.

– В любой смеси вещей, даже самой безобразной, Господь зрит в самую суть, – сказал Эдгар.

Вытянув шею, он увлечённо наблюдал, как загибают влажные ослиные губы кашу.

– Как это? – спросила Ева. Она гладила животное по холке, и влага, напитавшая тёплый его загривок, оседала на пальцах.

– Не массу он зрит, а видит корешки да травы, которые я собирал, землянику...

– И хлеб?

– Хлеб печётся из злаков. А в основе всего он зрит чёрную плодородную землю и длань Отца нашего небесного. Это очень дальновидный зверь.

– У тебя замечательный осёл! – воскликнула девочка. – Я с самого начала это заметила... как только увидела его глаза. Они – знаешь? – как у человека. Я думала – вдруг на самом деле то человек в ослиной шкуре, какой-нибудь бедолага, которому больше нравится быть животным, чем человеком. Но сейчас вот что я тебе скажу – ни один человек не может смотреть такими глазами, как твой ослик.

– Верно глаголешь, – сказал Эдгар с такой гордостью, будто был всецело ответственен за правильное воспитание осла. Хотя даже Ева понимала, что этого не может быть: ослик – не собака и не ребёнок человеческий, шкура его толщиной с палец, уши такие чуткие, что слышат даже комара, кружащего вокруг крупа... ноздри способны различать среди запаха земли и различных растений запах вкусных корешков, а копыта настолько ловкие, что способны их откапывать не хуже пальцев, которыми наделены Небесами люди. Даже самый большой упрямец вряд ли соберёт столько душевных сил, чтобы направить осла нужной ему дорогой. Это, в конце концов, зверь, на котором Иисус въехал в Иерусалим – не черепаха удостоилась той чести, что, говорят, самая мудрая из зверей, не единорог, чистейший из всех существующих – нет, именно молодого осла послал отвязать и привести ему сын Божий.

– Вечером мы сварим суп, – заявила Ева, когда Господь опустошил и вылизал тарелку. – Достанем котелок, разожжём костёр и сварим!

Из левого глаза Эдгара внезапно потекли слёзы.

– Крошка-ведьма! Не стоит этого делать. Я знаю... ты сама говорила – великое то колдовство, готовить пищу. Никакое хитрое колдовство не приносит человеку покоя. Покой приносит только простота.

Внезапно великан схватился за голову. Открыв рот, Ева наблюдала, как заполняются на висках кровью вены, становятся заметнее, синие, как вспучившиеся ото льда реки. Казалось, по венам текут его мысли. Охрипшим голосом он сказал:

– Но даже монахи не питаются святым духом. У монахов в монастырях есть кухни. Да! Да! Я сам видел. И огромные, холодные залы, в которых греются вином и хорошей пищей. Что ж тогда, обещанные Господу, говорящие на высоком языке люди питаются ведьминой желчью? Невозможно! Неслыханно!

Ева крепко задумалась.

– Мама не похожа на ведьму. Она очень много ругалась, когда готовила. Поносила буквально всё: братьев, отца, деда, кошек, меня... что может быть проще обыкновенной ругани? Я тоже буду ругаться. Тогда всё получится. Не бойся, мой милый Эдгар, это не колдовство, а что-то другое.

Эдгар не стал спорить. Кажется, всё во рту у него онемело, и когда он открывал рот, глотая воздух, как рыба, Ева видела, как язык лежит, белый и бездвижный, словно большой слизень, за зубами.

Голодные, они двинулись в дорогу. Тракт оказался не то заброшенным, не то просто вёл туда, куда почти никому из людей не было нужды ехать, и откуда никому не надо было возвращаться. Эта часть королевства была плохо заселена, а на каждом мало-мальски высоком холме Эдгар с горящими глазами говорил, что вон там, вдалеке, виднеется чужая земля, может быть, романская земля, и Ева с открытым ртом рассматривала похожую на воду голубую дымку. Но когда проезжали достаточное расстояние, оказывалось, что там те же брошенные поля, остатки построек, или плотный, похожий на кочан капусты, бор.

По сбитой, частично вывороченной (отсутствующие камни уже говорили о наличии людей рядом, которые растаскивали дорогу под собственные нужды), частично погребённой трудолюбивым сорным кустарником дороге они медленно двигались вперёд. Дымок, висящий под тучами и словно не имеющий возможности, как ему должно, устремляться в небеса, извещал, что рядом люди.

Памятуя вчерашний разговор, Ева думала о Риме. Правда ли эта дорога ведёт в древний город? Где тогда восторженные паломники, где вереницы мальчишек, что сбежали из дома, чтобы увидеть легендарную землю? Или... может, и правда город опустел, а дорога к нему потерялась в вязи дорог других, ведущих на север, запад и восток и найти среди них верную, всё равно, что найти один конкретный волос в толстой косе... Да, конечно, все дороги ведут в Рим, но можно ведь идти в неправильную сторону, и, возможно, все путешественники на свете так и поступают: идут в противоположную Риму сторону, и те, кто едет им навстречу, тоже каким-то непостижимым образом едут в обратную сторону.

Зажмурившись сильно-сильно, Ева захотела, чтобы перед ними появился Рим. А когда открыла глаза, увидела, как лес отступает, как удирает в разные стороны от охотничьего пса целый выводок зайчат, и огромный, нереальный силуэт надвигается на них, загораживая пятую часть... нет, уже четверть... нет, добрую половину небес!

– Рим, – выдохнула она. – Вавилонская башня! Чертоги Содома...

– Какого Содома?

Эдгар бросил поводья, устался под колёса телеги, будто ожидая, что земля там сейчас разойдётся, явив взгляду лаву и чёрное чрево земли. Потом, увидев, куда указывает пальцем Ева, сказал:

– То не Содом, червивое ты яблочко. И не Рим. То... больше всего голову похоже на лошадь. Правда же, Господь?..

Эдгар разглядывал конструкцию с ленивым интересом, а Ева, забыв временно про Рим и про странного вида башню, смотрела на великана. Из какого материала он сделан, если пугается и поражается вещам обычным, и в то же время что-то особенное наблюдаетравнодушно, как звёзды в глади пруда.

Посёлок в пятнадцать домов (едва ли его можно было назвать посёлком в полном смысле слова) выстроен вокруг конструкции, напоминающей огромного деревянного коня. Ноги у него, если и были, давно уже подломились, поэтому казалось, что конь выбирается из болота, по грудь в воде.

– Какая большая! – воскликнула Ева и подпрыгнула от избытка чувств. – Выше любых деревьев!

– Не выше, – покачал головой Эдгар, которому с высоты своего роста было виднее. – Но это большой труд. Может, когда строили сие сооружение, никаких деревьев здесь и в помине не было.

– А зачем оно?

– Не знаю. Но очень старое. Смотри – того и гляди отвалится вон там ухо. А зубов уже и не видать – значит, все выпали.

– И всё равно, – упрямо сказала девочка. – Я никогда не слышала ни о чём подобном. Наверное, мы уже за тысячи лиг от дома.

Эдгар копошился пальцами в подбородке.

– Два дня пути, и только.

Ева воодушевлённо произнесла:

– Болтали, будто сразу за селом начинается волшебный лес, такой дремучий, что днём как ночью, звери там все слепые, а единственное пятно света на весь лес видно в чаще отовсюду. И идти по нему можно девять суток. А за лесом есть замечательный город Бремен, куда съезжаются со всего света торговцы золотом, шкурами редких зверей, и даже прибывает иногда, погулять по базару, сам Император. Только лес, как я посмотрю, кончился почти сразу.

– Всякое бывает в Божьем мире, – задумчиво сказал Эдгар. – Может, и есть на свете тот лес. Знаешь, кроха, что один странник (при этом великан выразительно ткнул себя в грудь) понял за время своих странствий? Бесполезно следовать каким-то картам и описаниям путешествий, которые этот странник, ввиду незнания латыни, всё равно не сможет прочесть. Не нужно даже запоминать места, в которых странник побывал, и людей, с которыми связал его язык. Всё равно всё это канет в небытие, завертится, закружится и предстанет по-другому. Белое может оказаться чёрным, осень зимою, а плошка с хлебом – окровавленным боевым топором. С рассветом путник рождается, с закатом умирает – вот всё, что нужно запомнить. Запомнишь?

Ева отмечала незначительные мелочи, каждая из которых была яркой нитью в ковре жизненного восприятия. Вокруг домов буйно разросся кустарник. Какие-то птички прыгали там с ветки на ветку. Не далее как утром, судя по количеству навоза, дорогу пересекало целое стадо коров. Над испражнениями роились насекомые. Две девочки, тихо переговариваясь и глаза на пришельцев, несли на плечах кувшины с водой. Домишки окружали плетёные оградки, сквозь прутья каждой из которых то и дело можно было заметить любопытные глаза – принадлежали они детям, собакам или привязанным к оградкам меланхоличным барашкам.

Взрослые же жители не проявляли к пришельцам никакого интереса. Ева видела двух мужчин, подставивших голые спины первому за долгие дни солнцу. Они неторопливо беседовали, то и дело подёргивая на тощих бёдрах штаны. Откуда-то доносился мерный стук топора. За одним из заборов женщины делали в высоких бадьях творог и поминутно облизывали пальцы.

Эдгар выглядел как каменное изваяние. Первый же встреченный пастушонок, проводивший повозку и восседающего на ней великана напуганным взглядом, превратил его в то, во что весеннее солнце превращает снежный сугроб. Уголки рта опустились, брови потекли вниз, кожа на подбородке угрожающе отвисла. Движения стали более деревянными, как будто подражали той самой гигантской лошади.

– Почему ты так боишься? – спросила шёпотом девочка. Она протянула руку, чтобы коснуться запястья Эдгара, но внезапно увидела на месте кисти пугливую ящерку, готовую шмыгнуть в какое-нибудь укрытие, и вовремя остановилась.

– Страшусь всего, что может случиться, – таким же шёпотом ответил Эдгар. Глаза у него были как хрусталики речного камня, а зрачки будто бы не двигались совсем. Они смотрели немного мимо Евы. – Человеке, дитя, ты не поймёшь моих страхов. Все люди деятельны, и этот хаос непредсказуем, не поддается счёту или какому-нибудь приведению к порядку.

Он бросал по сторонам затравленные взгляды, такие, что даже новорожденные щенки чувствовали себя рядом с ним храбрецами. Путники спешили и вошли в посёлок, ведя Господа под уздцы. Ослик не возражал, он помахивал хвостом, отгоняя мух, и скидывал голову, когда улавливал в воздухе запах сородичей.

Ева же ловила своими ноздрями запахи еды. Подходило время ужина, а днём, не решаясь прервать фундаментального и, будто бы, вечного движения ослика к горизонту, они съели по горсти ежевики, которую Эдгар собирал на ходу с придорожных кустов, выбрасывая вперёд руки и метко, точно птица на лету, срывая крупные ягоды, да подъели крошки из вещевого мешка.

Возле первого же дома их встретил старец со скуластым лицом и сединой в бороде. Голова лысая, как коленка, и, в отличие от эдгаровской, более естественной формы. На Эдгара он смотрел без усмешки, но не враждебно: у Евы, отчего-то, сложилось впечатление, что так мог смотреть камень.

На вопрос девочки о деревянной лошади (отсюда были видны две дырочки у неё на морде – не то ноздри, не то глаза. Сложно было выяснить точнее, так как они располагались между тем местом, где должны быть глаза, и тем, где у нормальной лошади находятся ноздри) он ответил:

– Время в Конской голове течёт медленнее, малышка. Это все знают, кто слышан о нашем маленьком местечке. Поэтому даже собаки здесь живут по тридцать лет. А такие как я и вовсе могут разваливаться до бесконечности. Попробовали бы, – на тонких, как будто жилистых, губах появилась усмешка, – это объяснить греческие философы. Хотел бы я потолковать хоть с одним, да вот незадача – родился немного позже.

– А лошадка... – несмело напомнила Ева.

– Лошадка осталась от одного из генералов Александра Македонского.

– самого Македонского? Который захватил целый мир?

По глазам Евы было заметно, что он умудрился захватить ещё и её – через тринадцать столетий после своей смерти.

– А то. Только этот тысячник был достаточно никудышным. Не удивлюсь, если под его командой была не тысяча, а, скажем, девятьсот девяносто бойцов. Он отстал со своим войском – везли для императора боевые машины. На этом самом месте на тысячника напали варвары. Разбили наголову, над машинами посмеялись, не став даже поджигать. С тех пор они здесь и гниют. Штурмовой конь – вы только посмотрите на него! – до сих пор даже не накренился. Остальное, все эти хитрые штуковины для того, чтобы выбить чужие ворота, лестницы, баллисты и прочее, скоро совсем растворятся в земле. У нас с ними играют мальчишки.

– Как же здесь возник город?

По глазам Евы видно, что за красочная история разворачивалась у неё в голове.

Старик хитро улыбнулся. Буквально любое движение мышц, любое изменение голоса отражались на лице Эдгара, будто в кривом отражении, которое обычно видишь, когда смотришь в покрытую рябью лужу.

– Да с тех пор он никуда не исчезал. Те германцы, что разбили тысячника, разбили здесь лагерь. У императорского посланника было с собой столько провизии, что хватило на несколько месяцев... а потом никто не захотел сниматься – многие уже успели обзавестись жёнами, а потом и детишками. Знаете ли, римляне всюду возили с собой женщин, и они пришлись очень кстати новым владельцам... с тех пор мы так и не надумали сняться с места.

Теперь Ева смотрела на старца с тем же выражением, что и на деревянного коня. И в самом деле – кто знает, сколько ему на самом деле лет? Вдруг он лично принимал участие в этих событиях!..

– Сколько же вас было? – спросила она. – Всего на десять домов? И вы победили римское войско? То самое, которое умело строиться в черепаху?..

Домов было немного больше, но Ева умела считать только до десяти.

– Ну, войско – это сильно сказано, – скромно сказал старик. – Да и нас... точнее, наших предков было немного больше.

Эдгар наконец бросил стучать зубами (Ева ясно слышала «стук-стук-стук» его массивных челюстей) и спросил, по обыкновению, о церкви и питейном заведении. На что получил ответ:

– Церкви у нас нет. Ближайшая – в двух лигах к югу. На Седых холмах есть монастырь. Пить можете прямо здесь. У меня великолепная брага.

Старик крикнул кому-то, чтобы принесли гостям выпить, но Эдгар замахал руками:

– Не нужно пить. У нас есть вода. Я, милорд, не просто заблудился – руки мои знают дело. Это руки цирюльника и костоправа.

Несмотря на уверения старца в жизнеспособности местных жителей, больных тут оказалось предостаточно. Какой-то громогласный малец взобрался по приставной лестнице к хвосту стоящей здесь же старой кобылы и, взявшись за него, оповестил деревню о визите костоправа. Уже через двадцать минут под бормотание Эдгаром молитв к дому старца выстроилась небольшая очередь.

Ева знала, что Эдгар предпочитал работать, укутывая себя в кокон тишины и сумрака (даже если на улице сияло солнце), но проблемы жителей Конской головы оказались такими мелкими, что, в конце концов, обошлись бы без его, цирюльника, вмешательства. Кому-то требовалось удалить зуб. Кто-то жаловался на слабость в ногах; таким людям Эдгар мог порекомендовать только молитвы, жевать листья мяты, да пить отвар крапивы. Двое или трое продемонстрировали почти зажившие колотые и резаные раны на разных частях тела. Шрамы выглядели страшно, но видно, что несчастье случилось настолько давно, что даже не заслуживало упоминания. О нём и не упоминали. Разве что один, сверкая щербатой улыбкой и глядя на костоправа тёмными глазами, заметил:

– Вы, господин, могли бы приехать пораньше на десяток столетий. Тогда бы здесь нашлось куда больше работы.

Что-то было не так с этим местом. Может, потустороннее настроение ему придавала тень деревянной лошади, которая брела по земле следом за неспешным движением солнца, и поглощала, как казалось, весь мир, когда оно заходило за тучу. Может, то, что все мужчины ползали, как прибитые мухи по горлышку кружки и никуда не торопились. Те из них, кого Эдгар отпустил, в большинстве своём задерживались у оставшегося неназванным старика и цедили из деревянных плошек мутную брагу.

Когда Эдгар принимал предпоследнего пациента (который, кстати, кроме прочего попросил подравнять ему баки), Ева взобралась на бочки из-под браги, из которых, даже из закупоренных, нестерпимо разило скисшим жмыхом, и громко объявила:

– Обычно господин костоправ не берёт денег за свою работу, а только просит молиться Господу, за него и за себя...

Неспешные разговоры утихли. Ева внезапно обнаружила, что они с Эдгаром стали центром пристального внимания. Даже лошадь, казалось, своими глазами-ноздрями разглядывала Эдгара.

Она поспешно слезла с груди бочек и закончила:

– Но теперь, после того, как с ним чуть не сотворили кое-что плохое за то, что он не взял денег, всё поменялось. Поэтому, господа, жду от вас что-нибудь ценное в качестве оплаты. А бакенбарды и усы мы стрижем за какую-нибудь мелочь.

– Чем плохи мои бакенбарды, – зазвучал голос. – А, малышка?

Ева смутилась, но закончила:

– Можно заплатить едой. Да, еда была бы весьма кстати.

Разговоры возобновились, зазвучал смех и громкая отрывка. Кто-то сразу полез в кошель, чтобы выудить оттуда мелкую монетку, кто-то отправил быстроногого мальчишку домой – за лепёшкой или хлебом, или чаркой молока. Невдалеке насмешливо фыркнул ослик.

Ева никогда не держала в руках деньги. В родной деревне они не имели большого хода – проще было меняться продуктами, и блестящие кругляшки, которые чеканил местный лорд, были нечастыми гостями в их краях. Люди относились к ним с недоверием. Что прикажите делать с вещью, которую нельзя ни съесть, ни сделать из неё что-то полезное?

Здесь лорд, должно быть, был уже другой, потому как кругляшки были незнакомые. И очень старые. Потемневшие от времени, – на них угадывались римские цифры и чей-то профиль. Ева не умела ни читать, ни считать, так что ей оставалось, разглядывая заработок Эдгара, только делать умное лицо.

Постепенно прибывала всякая снедь, от одного вида которой девочке стало дурно. А уж когда к тому прибавился ещё и запах...

– Видишь, как легко просить награду, – шепнула Ева, весьма гордая собой, великану.

Эдгар ничего не ответил, он сидел на выделенном ему стариком полене. Руки, только сейчас прикасавшиеся к пациентам и казавшиеся лёгкими, как перья, теперь свешивались между колен, будто пара висельников. На девочку он не смотрел, и Ева, как ни вертела головой, не смогла увидеть, куда направлен взгляд.

– Молодец, дочка, – лениво сказал старец, нацеживая из бочки очередному пациенту очередную кружку пива. – Научила папашу зарабатывать.

– Он не мой папаша, – сказала девочка. – Просто великан, который проходил мимо, когда меня выгнали из дома, и взял к себе. Настоящий великан из далёкой северной страны. Может, когда-нибудь он отнесёт меня в свою страну, и я увижу горы, где снег лежит даже летом, пещеры, в которых живут создания из камня с морщинистыми носами, увижу ещё гнёзда грифонов, и...

– Велика-ан, – протянул старик. Пальцы его постукивали по бочке, проверяя, сколько там осталось жидкости. Хватит ли ещё на пару кружек или нет? – Слишком много в последнее время таких великанов развелось на дорогах священной матушки нашей Римской империи. Согбенных, просящих милостыню, слепых или глухих... твой великан хотя бы честным трудом зарабатывает себе на жизнь.

– Эдгар говорит, что всё это благодаря молитвам.

– Святые благоволят к убогим. Впрочем, это всегда было так. Вот к воинам, вся жизнь которых прошла в походах, не благоволят теперь никто. Только и остаётся, что поминать добрым словом древних небесных покровителей, которых вытеснил с небес ашкеназский громила с бородой. Все вокруг только и твердят, что о помиловании и мирном сосуществовании. «Святая империя» – говорит король. Ха! Было время, мы не пахали землю, а добывали свой хлеб секирой. Римские воины, если сказать честно, были посредственными вояками. То знак, что даже война может наскучить и превратиться в тусклую кашу.

Ева хотела сказать, что только сегодня они с Эдгаром пробовали премерзкую кашу собственного её приготовления, но осеклась, сообразив, что обращается старик уже не к ней, а к кому-то из сидящих вокруг.

– Ходят слухи, что на севере собирают поход на восток, – сказал один из клиентов Эдгара. У мужчины не было руки до локтя, и Ева исподтишка изучала кутью в звёздочке старых шрамов. – Храм Господень разрушен, сарацины лютуют, унижают паломников и позволяют себе высказывания в адрес папы и императора.

– Пускай сами разбираются со своими храмами, гробами и императорами, – сказал старец. – Мы уже своё отвоевали. До сих пор зализываем раны, как побитые псы.

Мужчины обменялись долгими пристальными взглядами, а потом расхохотались, стуча ладонями по столу.

Как только смех затих, Ева, несколько раздосадованная тем, что не до конца поняла этот обмен репликами, спросила:

– У вас можно будет переночевать?

– Здесь, вообще-то, очень рады чужакам, – сказал старец. В его желудке клокотала брага – каждая третья кружка из тех, что наполнялась из бочонка, была его собственной. – Особенно если они оказываются настолько щедрыми, что делятся с нами своим добром. Можно сказать,

мы взимаем скромную плату за осмотр достопримечательностей... Но вам не повезло. Дело своё твой папаня знает хорошо, поэтому мы выпроводим вас отсюда как можно скорее.

Его недавний собеседник увлечённо терзал бычьей костью, ухватив её единственной оставшейся ручищей, такой огромной, что кулак мог вполне сравниться с эдгаровым. Но глаза его внимательно наблюдали за лицами и ходом разговора. Сосредоточенно жуя, он сказал:

– Эй, костлявый Ганс, кажется мне, что мы сможем оставить наших гостей на ночь на особенных основаниях. Цирюльник этот и правда очень хорош. Он сказал, что чтобы сростить мне кости и вернуть руку, придётся отправиться в путешествие в прошлое лет этак на двадцать. Я хохотал, как умалишённый.

Эдгар, похоже, не знал, куда себя деть. Его здесь никто особенно не боялся, даже дети, словно любопытные хорьки, напуганные прежде габаритами незнакомого зверя, но уверившись со временем в спокойном его норове, шныряя под ногами взрослых от одного укрытия к другому, подбирались всё ближе.

Тот, которого называли костлявым Гансом, прочистил горло, чтобы привлечь внимание великана.

– Мы разрешаем тебе и твоей дочери остаться на ночь. Повозку можешь поставить вон там, возле коняги. Там, где тебе больше нравится.

– Но Ганс, – сказал кто-то из мужчин. Огрызок фразы повис в воздухе.

– Да-да, Ганс, – сказал кто-то ещё. – Пусть останавливается, как все, за окраиной.

– Время к ночи, и он хорошо поработал над нашими подбородками и щеками. Разрешим ему не платить за ночлег, тем более что никакой крыши мы ему не предоставим. Все слышали? Не платить!

Эдгару больше нравилось быть затерянным в лесной чаще, но ни слова возражения жители Конской головы от него не услышали. Ева, наблюдая за своим спутником, подумала, что он, должно быть, откусывает по кусочку от каждого встречного человека, делая это незаметно от окружающих и с такой стороны, чтобы сам пострадавший не сразу заметил урон. А потом, в прямом смысле насытившись людьми, великан становится таким – вялым, как истоптанная тысячу сапог крапива, оказавшаяся на пути войска, стремящимся только лишь к покою, желательно подальше от этих двуногих.

Вблизи деревянная лошадь казалась совсем не похожей на себя – она буквально разваливалась на куски, ни один из которых не мог принадлежать лошади. Видно было, как часто её подновляли: место сгнивших брёвен занимали относительно свежие. В щели между ними можно было засунуть руку, что Ева с нарастающим разочарованием и сделала. Из нутра постройки несло плесенью – будто бы вся тысяча нерадивого командира скончалась прямо там, под толстой деревянной обшивкой.

При каждом дуновении ветра конструкция протяжно стонала, и вороны, что устроили между ушей и на спине себе гнездовище, взлетали и описывали круги.

Ослик неохотно притащился и встал, опустив голову, подслеповато таращась на брошенные здесь же яблочные огрызки. Казалось, покажи ему место поприятнее, хоть на севере, хоть на юге, он охотно заработает ногами, волоча за собой повозку, хозяина, все его гнилые сундуки и худые мешки, и Еву в придачу. Он выглядел... Ева при задумалась, вложив в рот палец, а потом внезапно поняла: – он же обижается! На кого? Девочка ли тому виной, цирюльник ли, или, может, его обидел кто-то из местных мальчишек?

– Ты из-за меня такой хмурый, да? – спросила Ева, обняв животное за шею. На загривке скопилась пыль, и по рукам Евы потекли грязно-коричневые ручейки. – Смотри, что у меня есть!

Она сбегала в повозку и принесла хлебную лепёшку из свежих запасов. Господь даже не повернул головы, а когда она попыталась раздвинуть челюсти, чтобы запихать туда кусок, возмущённо топнул копытом, чуть не попав девочке по ноге.

– Всё понятно. Я тебя чем-то обидела, – сказала Ева. – Но ты же не скажешь чем. Ты же гордый.

В расстроенных чувствах она ушла, без особого удовольствия жуя лепёшку.

Небо стремительно темнело, снова взялся накрапывать дождик, и любой сустав, любое сочленение в теле ныло от бесконечных кочек и как будто до сих пор продолжало путешествие дальше, в сторону благословенного Рима.

Молча поужинав, путники разбрелись спать. Что касается ужина, им повезло: основу платы за услуги цирюльника составляли горсть хлебных корок, несколько реп, да мешок пшена, старого и со своим отдельным поселением муравьёв, но Ева была рада и такому; она с радостью зарылась в него лицом.

Эдгар устроился под телегой, ноги его выглядывали из-под её бортов и указывали направление, судя по нескольким знакомым для Евы звёздам, которые мелькали среди туч, на северо-запад и северо-восток. Девочка снова устроилась в повозке. Конструкция протяжно скрипела над головой, как будто лошадь с восходом луны превращалась в деревянного пса и выла, уставив на небеса свою морду. Ветер изредка доносил кислую вонь гниющего дерева.

Еве снилось, будто дома с её уходом все бросили изображать из себя согнутых жизнью и каждодневными заботами мучеников, и начали весело ходить по стенам и потолку, заходить в окно вместо двери и играть все вместе на чердаке, куда одной Еве категорически запрещали забираться. А потом к ним снизошёл Ангел Небесный, и перст его указал каждому на грудь, и каждый, открыв её, будто ставню, увидел, что животворящего света там нет, а есть только чулан, пустой и заросший паутиной...

Проснулась девочка глубокой ночью, внезапно, рывком, как будто тать, подкравшись, утянул у неё возможность спать по ночам. Но нет: прислушавшись хорошенько к своим ощущениям, Ева решила, что всё в порядке. Она-то уж наверняка бы заметила пропажу такой значительной вещи. Разбудило её что-то другое. Вот оно, снова! Этот звук из-под пола...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.